

АКАДЕМИЯ АРХОНТИЯ

НЕЗВАНАЯ

ГРИГОРИЙ ПАВЛЕНКО

Академия Архонтия

Григорий Павленко

Незванная

«Автор»

2026

Павленко Г.

Незванная / Г. Павленко — «Автор», 2026 — (Академия Архонтия)

У неё — три медяка, воровское ремесло и твёрдое правило не связываться с казёнными домами. У мертвеца в переулке — Знак лучшей магической академии страны и вызов на вступительное испытание. Мёртвому пропуск ни к чему. А ей нужна крыша на зиму. Так воровка входит в Архонтию под чужим именем — и попадает на факультет шпионов, где каждый второй прячет своё, а расписание положено красть. План «не высовываться» умирает в первый же вечер: ректор, Архонтид с белыми глазами, задаёт ей единственный вопрос — и узнаёт, что правила академии съела собака. Теперь у неё дисциплинарный резерв, война прошениями с самим ректором и стойкое подозрение, что он видит куда больше, чем говорит. Непонятно одно — почему молчит. А ещё Знак мертвеца, которому по всем законам магии нельзя работать на чужой крови. Но он работает. Улица учила: повезло — не спрашивай. Жаль, что в академию уже едет куратор Совета Чистых Родов. Человек, чья работа — спрашивать.

Содержание

Глава 1. Чужой Знак	5
Глава 2. Ворота	11
Глава 3. Чаша	19
Глава 4. Семь утра	26
Глава 5. Резерв	33
Глава 6. Прошение	41
Глава 7. Семь вечера	49
Глава 8. Пустая кровь	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Григорий Павленко

Незванная

Глава 1. Чужой Знак

Три медяка.

Айра пересчитала их на ладони — три холодных кружка, стёртых до того, что не разобрать, чей профиль, — и спрятала обратно в карман. Три медяка за целый вечер на ногах.

Небогатый урожай. Город скупее — или я старею.

Ей было девятнадцать.

Значит, город скупее. Совершенно потеряли всякое уважение к карманникам.

Нижний рынок сворачивался к ночи нехотя и с руганью. Лотошники стаскивали с прилавков непроданное, гасили жаровни, и над рядами стелился дым: горелое масло, мокрая шерсть чужих плащей, а из-за двух переулков тянуло резким и злым духом красильни, от которого щипало в носу. Под ногами хлюпала гниль вперемешку с разлитым пойлом — к вечеру рынок пах не товаром, а собой.

Айра стояла у крайнего лотка так, что заметить её можно было, только зная, что она там. Это была работа тоньше кражи — стать частью прилавка, тенью от навеса, ещё одной серой спиной, которую через минуту никто не вспомнит. Три года улицы научили её не тому, как взять чужое, а тому, как уйти прежде, чем заметят пропажу. Украсть может и дворовая кошка. Украсть и не получить по морде — вот что делает тебя мастером.

Мимо прошли двое стражников. Айра оглядела их привычно, снизу вверх: уставшие сапоги, уставшие нагрудники из побитого железа, и выше — не менее уставшие лица. Сапоги были главным. В таких не побегаешь: рванёшь за вором с десятков шагов — и останешься без подошвы. Эти двое за ворами бегать давно отвыкли. Таких наместник держит не ловить, а придерживать сползающие штаны законности — чтоб не рухнули совсем.

И всё же она дождалась, пока они отойдут, и повертела в руках луковицу, которую не думала покупать.

Риск — для героев и дураков.

Ни к тем, ни к другим она себя не относила.

Вечерний улов достался ей от пьяного приказчика в винном ряду — тот держался за столб и объяснял ему (столбу, да), как несправедливо устроена торговля сукном. Кошель у него висел на поясе честно, как у человека, уверенного, что его никто не тронет. Айра прошла мимо, задев плечом, извинилась, придержала его за локоть, чтоб не упал, — и к тому времени, как он сумел-таки собрать свои несчастные, пропитые глаза в кучку и посмотреть в её сторону, она была уже через три лотка, а тесёмка кошелья осталась висеть срезанной, будто сама развязалась. Лезвие снова сидело за манжетой. Внутри — три медяка и пуговица.

Те самые три медяка, сиротливо болтавшиеся в её кармане. Пуговицу она тоже взяла. Вдруг волшебная.

У последнего лотка наливали вино. Нет. Не так. «Вино». Пойло кислое, с таким душком, какого у честного вина отродясь не бывало, — люди болтали, что им очень неплохо травят волкокрыс. Сама Айра, конечно, не проверяла, но разве будет народная молва врать?

Торговец сливал остатки — день кончился.

— На медяк, — сказала Айра, ставя монету на доску.

— На медяк — только понюхать. — Он всё же плеснул на доньшко, не глядя. — Пей и вали, закрываюсь.

И тебе доброй ночи, душа-человек.

Айра глотнула. Да. Точно такое же отвратное, как вчера. А лёгкая нотка прогорклого сыра позволяла даже почувствовать себя знатоком. Но пила она не ради вкуса. Хмель есть хмель: пары глотков хватило, чтобы в желудке поселилось тепло и поползло по телу. Почти как от ужина. Если не приноживаться.

Осталось два медяка.

Из них выходило одно из двух. Ночлег в общей у Кривого — солома, тепло до самого утра, десяток храпящих тел и незабываемый опыт в виде вшей. Или настоящая еда. Не королевский ужин, конечно же: два медяка — не то состояние, которое позволяет сорить деньгами, но на кусок хлеба и миску похлёбки можно было рассчитывать.

Спать или есть? Какой интересный выбор у меня сегодня. Есть или спать?

Она уже склонялась к ночлежке — ночи в конце лета сделались зубастыми, — когда сквозь рыночный гул до неё долетело то, что определённо стоило её внимания.

— ...за красильней, говорю. Сидит у стены, как живой. Стража и не чешется — а чего им? До утра не протухнет.

Двое грузчиков, из тех, что таскают тюки и бесплатно разносят сплетни. Айра не повернула головы. Голову поворачивают те, кому есть дело, а ей до чужих мертвецов дела не было. Дело было до другого.

Если ты мёртв и валяешься на городской улице, то, во-первых, тебе явно недостаёт удачи, а во-вторых, тебе, друг мой, уже без необходимости сапоги. Или что там ещё могло у тебя ценного остаться.

Мёртвого раздевают за час — Айра видела не раз. Не из жестокости, просто так тут было заведено. К утру за красильней набегит десяток охотников, к полудню на нём не останется и пуговицы. Но сейчас, в этот тухлый вечерний час, он сидел там один, и стража, как говорили грузчики, старательно делала вид, что его там нет. Если господин мертвец ещё не расстался со своей обувью, то Айра уже знала, где может её продать за несколько монет, а несколько монет — это и крыша, и ужин.

К тому же за красильней — это, считай, у неё дома: её крыша — аккурат над тем переулком. Мертвец, стало быть, помер у неё на пороге. А что боги кладут на порог, подбирать надо первой — иначе подберут соседи.

Она допила отраву, поставила плошку на край лотка и пошла к переулку. Не быстро, не медленно — так, будто ей решительно всё равно, куда идти.

* * *

За поворотом рынок кончился разом, как отрезанный. Гул, чад, ругань лотошников — всё осталось там, за спиной, а здесь стояла тишина — густая, вязкая, в которой слышно собственные шаги по грязи. Пахло сыростью и непередаваемым ароматом красильни — у самой стены дух стоял злее, чем на рынке. Айра ничего против не имела. В тишине хорошо работалось, а запах отпугивает ненужные глаза и уши.

Мертвец сидел у стены, привалившись к ней плечом и вытянув ноги, — присел человек передохнуть да так и остался навсегда. Голова свесилась на грудь. Сумерки почти скрыли лицо, оставили тёмное пятно под волосами, и вглядываться Айра не стала. Лицо её не интересовало. Интересовали карманы.

Приличное сукно. Сапоги целые. Гляди-ка, да ты никак побогаче меня будешь.

Без злобы — простая опись. Мёртвый и правда был одет лучше живой Айры: суконная куртка без единой заплаты, светлая рубаха, сапоги, за которые на рынке дали бы куда больше двух медяков. И всё это на нём осталось — а вот кошель с пояса срезан: пустой ремешок болтается. Не от старости же милейший тут решил помереть. Хотя вот что любопытно: больше ничего не утащили.

Это было даже прекрасно: обождать беднягу — и подняться, по её меркам, на целое состояние. Вот только...

То ли бормотуха, которую она выпила несколько минут назад, начала кружить голову, то ли взбрыкнуло чутьё, без которого на улице не прожить и пары дней. А чутьё обычно не ошибалось.

Где кровь?

Если тебя грабят в месте, подобном этому, то либо пырнут ножом с десяток раз — просто в качестве жеста приличия, — либо хотя бы огреют камнем по голове. И то и другое оставляет после себя изрядно крови.

А крови нет. Ни лужи под ним, ни пятна на светлой рубаше, ни прорехи в сукне. Она присела рядом, оглядела руки: лежат на коленях ладонями кверху, не сжаты в кулак, костяшки целые. Не отбивался. И руки — сколько видать в сумерках — гладкие, чистые, тяжелее пера отродясь ничего не держали.

Барчук. Или из тех, кто пером кормится. Ты что тут забыл вообще?

Выходило, он сел и умер — сам, без драки, без крика, и ни следа — кто его и чем. А люди так не уходят: цепляются, зовут, хватаются за что попало. Этот — устал до смерти. В самом прямом смысле. И душу отдал, и кошель.

Ладно, помер и помер, это, любезный, твоя проблема. А мне ещё ночевать где-то надо.

Работать надо было быстро. Тело на улице — товар ходовой: сбегутся и обождать, и поглазеть, а Айра пуще всего не любила попадаться на чужом. Так что — быстро, вполуха слушая переулочек за спиной. Она прошлась по карманам без всякого почтения к покойнику. Пуговицы шли туго: то ли петли на холоде задубели, то ли пальцы, которыми она их растёгивала. Внутренний карман: сложенные бумаги, плотные, казённые на ощупь. Забрала не глядя — в темноте всё равно не прочесть, свет будет потом. Боковой — пусто. За пазухой, у самого горла, нашлась цепочка — тонкая, холодная. Айра поддела её пальцем, потянула — и на ладонь лёг Знак: небольшой, тяжёленький, тёмного металла, с прорезью и гранёным краем — вещь служебная, сделанная не для красоты. Цепочка сошла с мёртвой шеи легко.

Слишком легко.

Так не бывает.

Знак нельзя подделать. Знак нельзя передать. Так говорили — всюду, где о подобных вещах вообще заходила речь: в подворотнях, за кружкой, вполголоса и с оглядкой. Знак прирастает к своей крови и с чужой шеи не сходит. Снять его — всё равно что снять с человека имя. А этот снялся сам, будто только того и ждал, лёг в ладонь железкой — обычной, холодной, — и укусил.

— Ай, чтоб тебя!

Холод пошёл от Знака — тонкой иглой в подушечку пальца, потом выше, по запястью, под кожу, коротким злым разрядом до локтя. Айра втянула воздух сквозь зубы и чуть не выронила цепочку. Игла добралась до сгиба и истаяла, как не бывало. Пальцы держали обычный жетон. Тёплый. Мёртвый металл, нагретый живой рукой.

Она замерла, разглядывая его. Сердце стукнуло разок громче нужного и снова успокоилось.

— Давай ты так больше не будешь делать? — пробормотала она, глядя на Знак и попутно думая о том, что вообще с ним теперь делать. Мыслей было ноль. Возможно, даже чуть меньше. Ладно. Завтра решит.

При цепочке была бирка — маленькая, гладкая. Буквы в темноте не читались, но имя оказалось короткое, и она сняла его пальцем, по бороздкам, как слепые читают камень.

Ренн.

И вот что не шло из головы. Кошель срезали — дело понятное: труп обождать всякий охоч. А отчего он умер, без крови и без драки, — вот это уже загадка. Но с ней она бы смири-

лась. Не давало покоя другое: Знак, которому на рынке и цены не сложишь, оставили висеть. Либо не заметили в темноте. Либо — что вернее — не рискнули связываться. Даже у головорезов есть чутьё на то, чего трогать не стоит.

Разумная девушка положила бы всё на место и ушла. Разумная девушка знает: вещь, что снимается с покойника «слишком легко» да ещё кусает холодом, — не находка, а штука, от которой стоит избавиться в тот же час.

А ещё разумная девушка не жила бы на улице и держалась бы за два медяка.

Она спрятала Знак и бумаги за пазуху, к теплу, и перебралась к сапогам — за ними ведь и шла. Взлась за каблук, качнула. Сапог не шелохнулся.

За спиной, в самой глубине переулка, где темнота лежала гуще, — шорох.

Айра застыла, не разогнувшись. Пальцы уже лежали на манжете, где ждало лезвие. Обращиваться не стала — сперва послушала.

Тихо. Крыса в отбросах — или тряпье на сквозняке, тут вечно сквозит.

Может, и крыса. Только на улице долго живут те, кто не выясняет, что там шуршит. А сапоги — возня: тяни, раскачивай, и Ренн в этом деле не помощник. Жадность хороша в меру, а мера — до первого шороха.

Она поднялась, разгоняя кровь в затёкших коленях.

Ренн так Ренн. Сапоги оставь себе — будем считать, разошлись по-честному. Спи, что ли, — спешишь тебе теперь некуда.

Ренн не ответил.

Айра посмотрела на него последний раз и пошла назад, к свету. Оглядываться не стала: мёртвые не встают и вслед не смотрят. Только шагов через семь поймала себя на дурости — она ведь даже не тронула его горло. Не проверила, дышит ли, прежде чем обобрать.

Пульс не проверила. Неловко вышло бы: стягиваю с него Знак — а он возьми и очнись.

У самого устья переулка она всё же постояла, слушая темноту за спиной. Ничего.

Показалось.

Наверное, показалось.

* * *

Крыша над красильней была лучшим, что случилось с Айрой за весь последний год. Красильщики топили чаны дотемна, и железо держало тепло до глубокой ночи, а что к рассвету остывало — так до рассвета ещё дожить надо. Спать здесь можно было даже теперь, на исходе лета, когда ночами уже тянет холодом. Пахло краской, щёлоком и дымом — нормального человека от такого букета мутит, а Айра под него засыпала как дитя. Ни один вор в здравом уме сюда не лез — вонь отпугивала лучше цепного пса. Потому крыша и была её. Её — и двух сычей под коньком: этим вонь была нипочём, а орали они по ночам как резанные. Соседи как соседи. Бывали и хуже.

Она забралась в облюбованную ложбину между скатом и печной трубой, привалилась спиной к тёплой жести. Где-то внизу, за краем ската и стеной, в том самом переулке, сидел Ренн. Спать над покойником было немного не по себе. Самую малость. Куда меньше, чем от пустого брюха.

А утром там станет людно. Погляжусь сверху, кому достанутся сапоги.

Она выложила добычу на колени.

Знак. Бирка. Бумаги.

С бумаг и начала — размотала бечёвку, развернула. Плотные, ломкие по краям. Подняла лист к луне — на просвет проступил водяной развод. В такие на рынке не заворачивают даже селёдку. Читала Айра медленно, света было в обрез, буквы складывались с трудом — но эти сложились в такое, что она тихо присвистнула.

Вызов. К испытанию. Академия Архонтия.

Она перечитала. Слова не переставились. Некий Ренн Сол, средний дом, приглашался в Архонтию — ту самую, про которую в нижнем городе поминали с той же смесью зависти и страха, что и монетный двор. Испытание чашей. Послезавтра. При себе иметь Знак.

При себе иметь Знак.

Айра перевела взгляд на жетон. Тот лежал в ладони смирно и тепло — не верилось, что четверть часа назад он кусал её холодом до самого локтя.

— Так вот ты кто, — сказала она негромко. — Не побрякушка. Пропуск.

Бирка досказала остальное: «Ренн Сол», выбито мелко и чётко. Тот самый Ренн, что остался сидеть у стены за красильней и теперь уж, поди, совсем остыл.

Спасибо, Ренн. Пусть на том свете тебя греет мысль, что ты помог одной невинной душе.

Невинной. Ха.

Просто помог душе. Думаю, это тебе в любом случае зачтётся.

По уму — снести бы Знак скупщику, из тех, что берут и не спрашивают, бумаги пустить в печь, а Ренна оставить крысам — и забыть. Знак ушёл бы за хорошие деньги. Спокойный, короткий, понятный барыш.

Только по уму хорошо живётся тем, кому не грозит зимовать на улице.

А Айра знала, что такое здешняя зима, — не из чужих рассказов. Пережила не одну и не загадывала пережить все. Крыша над красильней тёплая, пока топят чаны. В первые же морозы топить перестанут, щёлок схватится коркой, и тёплая жесь станет просто жостью. А дальше — как повезёт. Может, удастся найти тёплое место, а может, присядет передохнуть рядом с почившим Ренном Солом — если от него к тому времени что-нибудь останется.

Значит — Архонтия.

Про неё внизу рассказывали охотно, даром и с чужих слов — то есть особенно надёжно. Рассказывали так.

Самым ценным в этом мире были не горячие лепёшки с лотка, не мамин поцелуй на ночь (говорят, помогает — проверить не довелось) и даже не гора золота с неба, о которой мечтали все, забывая, что падать она будет именно на тебя. Нет. Самым ценным была даже не магия. Самым ценным были те, кто умел ею управлять.

А магов миру давала Архонтия. Величайшая из величайших, закрытейшая из закрытых. Академии, положим, имелись на свете и кроме неё — только говорить об этом вслух было не принято: что взять с бездарей.

Попасть туда, если верить рыночным знатокам, мог всякий, у кого есть удача, талант, упорство и богатые родители. По наблюдениям Айры, из всего списка работало только последнее. Ну и сущая мелочь: особая кровь. Магом не становятся — магом рождаются. Простым смертным полагалось растить репу, пить кислое вино и завидовать. Правда, маги испокон веку слыли народом любвеобильным и в связях неразборчивым, так что — если верить всё тем же знатокам — добрая половина простых смертных таскала в жилах какую-никакую каплю магической крови. Толку от капли не было никакого: капля Знака не давала.

А у Айры Знак теперь был.

Она снова оглядела бумаги. Академия. Стены в три её роста. Еда каждый день, по часам, что бы там ни клали в миску. Постель. Крыша, которую не надо делить с сычами.

За: сытно, тепло, ветер остаётся снаружи.

Против: казённый дом, весь в страже и правилах, куда я заявлюсь незваной — под чужим именем, с чужим Знаком, который выдаст меня на первом же пороге. Если там умеют проверять. А там наверняка умеют. И скорее всего, пустят меня на какие-нибудь ужасные магические опыты.

Список «против» выходил длиннее и красочнее. Список «за» — теплее.

Да и с другой стороны — может, и не такие уж страшные эти опыты.

Айра выпрямила спину. Свела лопатки, подняла подбородок, чинно сложила руки на коленях — так их держала та барышня с сундуками, которую она однажды битый час пасла на площади (сундуки оказались пустыми, барышня — тоже). Попробовала кивнуть со значением. Попробовала подняться и присесть — как приседают, здороваясь с важными господами.

Вышло что-то среднее между поклоном и попыткой незаметно поднять с земли монету.

— Сойдёт, — сообщила она торчащей по соседству трубе. — Я из провинции.

Труба смолчала. Одобрительно, как понадеялась Айра. Или же щадя её гордость.

Средний дом Сол, столица, семья на выезде. Родителей не помню...

Стоп. «Не помню» — это её, не Ренна. У Ренна Сола семья на выезде — вот пусть там и остаётся. На таком и сыплются — не на страже, не на проверках.

Семья на выезде — оттуда и манеры. Наставника не держали, любимой книги нет. Обычная, скучная, серая. На таких внимания не обращают.

Одна легенда. Простая и скучная. Врать вообще надо скучно — скучному верят. Начни выдумывать братьев, сестёр и женихов — обязательно запутаешься и погоришь.

Айра повертела Знак в пальцах и продела голову в цепочку — примерить, каково оно, носить на шее чужое имя.

Тёплый металл лёг на грудь.

Потом обдал холодом — вдруг, без всякой причины, точно из темноты кто-тодохнул на него стужей.

И снова потеплел, как ни в чём не бывало.

Айра прислушалась — к жетону, к себе, к крыше под собой. Ничего.

— Мы это уже проходили, — напомнила она Знаку. — Не кусайся.

Дым, звёзды сквозь марево, собачий лай где-то у реки. Внизу дотлевали последние окна. Завтра, подумала Айра, в городе станет одной воровкой меньше. Послезавтра — если чаша её не выплунет — одной адепткой больше. И город этого даже не заметит.

Она сунула цепочку под ворот.

Знак жёг кожу под рубашкой — чужой.

Глава 2. Ворота

Из города Айра вышла затемно — не из усердия, а из бережливости: за место в карете до академии просили серебро, а на своих двоих выходило совершенно бесплатно. Вчерашний день сожрал последние медяки. Один ушёл банщице — та поначалу косилась так, будто Айра пришла красть мыло, и оттаяла только к концу, когда мыло пережило купание. Зря: на выходе Айра его всё-таки украла. Второй достался старьёвщику за рубаху, почти новую и почти её размера. О том, каким путём рубаха попала к старьёвщику — уж не с чьей ли верёвки, — Айра решила не думать. Она теперь человек приличный. Со вчерашнего дня.

Так что шагала она налегке: сумка за плечом, чужие бумаги за пазухой, чужой Знак на шее — и ни монеты за душой. Говорят, легко идётся, когда нечего терять. Врут. Идётся как всегда, просто есть хочется.

Знаковая дорога началась за последним постоянным двором — узкая, мощённая чёрным камнем, и камень этот был странный: ни травинки в стыках, ни лужи в выбоине, ни навоза, хотя кареты тут катили каждый день. Дорога, по которой ходят одни носители Знака, блюла себя сама. А может, просто брезговала. По обе стороны стоял туман, плотный, слоистый, и пахло от него не сыростью, как положено порядочному туману, а горячим железом — кузней, хотя никакой кузни вокруг не было. Айра честно попыталась подобрать этому объяснение попроще колдовства. Не подобрала и бросила. Дорога и дорога. Туман и туман. Знак у неё есть — значит, ей тут идти можно.

Знак, кстати, с первым же шагом по чёрному камню потеплел — самую малость, аккуратно чтобы не пропустить. Как рука на плечо: не грозя, но и не отпуская.

Иду, иду, — согласилась Айра. — Ты сам меня не выдай, главное.

Одной она пробыла недолго. Сзади нагнал скрип, мерный и основательный, и с ней поравнялась телега, гружённая мешками и бочками по самые борта, — поклажа кухонная, не пассажирская. Правил ею возчик, немолодой, в войлочной шапке, и глядел он на пешую девицу без удивления: видал, надо думать, и не такое.

— В академию? — спросил он, не придерживая лошадь.

— Туда.

— Ну, тогда нам по пути. — Он подумал и уточнил: — Только ты рядом иди и не отставай. Дорога тут чудная. Заезаешься — и она тебя обратно в город приведёт. Ну или ещё куда похуже.

Отметив про себя, что даже первые шаги в академию сопряжены с какими-то идиотскими испытаниями, она поблагодарила старика и просто пошла вровень с телегой. Копыта по чёрному камню стучали странно: глухо, без цокота, будто кто-то бил кулаком в подушку. Лошадь, заметила она, держалась самой середины дороги и на туман по сторонам косила таким взглядом, каким сама Айра косилась на городскую стражу.

— А чего лошадь-то у тебя?.. — начала она.

— А ты подойди к краю, постой, — предложил возчик. — Сразу поймёшь, чего.

Айра к краю подходить не стала. Просто посмотрела в туман, который стал ещё тяжелее и гуще. И на секунду, всего на одно мгновение, она почувствовала, что туман смотрит на неё в ответ. Точнее, нет. Не смотрит. Нагло вылупился, как голодный на свежую булку. Брр...

— Кучера, вон, на этой дороге не ночуют, — сообщил возчик, глядя перед собой. Люди его лет делятся мудростью охотно — особенно когда их не спрашивают. — Хоть ты им плати, хоть палками бей. Довёз, развернулся — и ходу. И птица здесь поперёк не летает, только вдоль. Умная потому что птица.

А я, стало быть, дура с сумкой. Спасибо, дедушка, утешил.

— Учту, — сказала Айра.

Позади запел рожок — звонкий, наглый, такой и стоил, поди, дороже иной лошади. Возчик не обернулся и к краю принимать не стал.

— А куда я приму? — рассудительно сказал он то ли Айре, то ли лошади. — Дорога узкая, я гружёный. Потрубит и перестанет.

Рожок потрубил и перестал. Карета — тёмный лак, герб на дверце, пара вороных — пристроилась за телегой и поехала так, как ехала телега. То есть шагом.

Скоро сзади подтянулись ещё. Айра не оглядывалась — училась считать по звуку: гербовые подавали голос издалека и, не дождавшись толку, умолкали. Наёмные дребезжали. У одной мерзейшим образом скрипело несмазанное колесо.

Хоть бы смазал, ирод. Люди тут, между прочим, идут.

Мало-помалу за телегой с репой выстроилась, на слух, половина столичных домов — и вся эта вереница ползла гуськом, потому что обгонять на Знаковой дороге было негде, а плотоядный туман желающих так и не дождался.

День заезда, сообразила Айра. Весь урожай студентов свозили сюда за одно утро. И академия въезжала в новый учебный год со скоростью гружёной телеги.

А во главе процессии, вровень с телегой, шла она. Пешком. С сумкой.

Запомни этот день, Айра. Ты обогнала гербовый выезд. Ногами.

Кучер на первой карете тем временем то и дело возвращался к любимому делу. К рожку то есть. И не то чтобы в этом был хоть какой-то смысл — просто так полагалось. Есть рожок — надо трубить.

— И тебе доброй дороги, душа-человек, — пробормотала Айра, когда рожок взревел особенно надсадно.

Рожок не внял и загудел снова. Зато внял возчик: привстал, обернулся и гаркнул поверх мешков:

— Да я сейчас у тебя этот рожок отберу и знаешь, куда его тебе запихаю, праг тебя раздери?! Знаешь?! А я знаю! Гудеть тебе оттуда куда веселее будет!

Стало тихо. Так тихо, что слышно было, как где-то в хвосте поскрипывает несмазанное колесо — и то, кажется, вполсилы.

Возчик сел, разобрал вожжи и, горестно вздохнув, сказал Айре мирно:

— Вот видишь, девонька: злые люди стали совсем. А раньше-то всё душевнее куда было. Не то что сейчас.

— Испортился народ, — вежливо согласилась Айра.

— Как есть испортился, — закивал возчик, — как есть. Ни тебе здрасте, ни добрый вечер. Вот я хоть человек простой, да никогда себе невежества не позволяю. Да и вообще, вот когда я молодой был, мы могли и по полшага в день идти по дороге этой — и ничего, не разваливался никто, и все друг другу помогали, и никто не...

Этот разговор возчик заводил уже раз третий, так что Айра его не то чтобы слушала. Скорее просто шла и глазела по сторонам.

В окне первой кареты (Айра как раз оглянулась на вереницу) виднелось светлое: сукно цвета топлёных сливок, дорогое, дорожное. Пассажирка скользнула по пешей попутчице взглядом, как по обочине, потом что-то, видимо, всё-таки разглядела — и задёрнула занавеску. А жаль. Айра даже попыталась ей улыбнуться. Приветливо. Ну почти. Ладно, кровожадно оскалилась скорее.

Сливочная какая девочка, фу ты ну ты.

— Важные шишки — они такие, — сказал возчик, кивнув назад. — Такие, как мы с тобой, девонька, для них что пыль под копытами. Что мы есть, что нас нет — всё одно. А вот погляди ж ты: мы первые идём, а они...

Сзади снова послышался рожок.

— Да я тебя сейчас поленом по голове твоей пустой подлечу, козломордый ты кусок!..
— тут же подскочил дед, схватив очень вовремя оказавшееся под рукой полено.

Дальше так и шли: рожок, дед, тишина. Каждые три сотни шагов, как по расписанию. Потом туман поредел, и справа открылась вода.

Озеро лежало до самого горизонта, гладкое, без единой морщины, и небо в нём выходило яснее настоящего — будто вода забирала отражение себе и отдавать не собиралась. Зеркало Мертвецов, так его звали в городе.

В городе вообще любили такие названия. Переулок мертвецов. Дом мертвеца. Трактир «Здесь умерло двенадцать человек» у рыночной площади. Умели местные смотреть на мир.

Но, к их чести, озеро своё название вполне заслужило. Рыба в нём не водилась, воду из него не пили, и даже птицы его и впрямь облетали — Айра проверила. Зверьё не выходило к берегам, ну и всё прочее, что полагается проклятому озеру. В казённых бумагах, возчик божился, оно проходило как «озеро Тарнидское» — и Айра решила, что канцелярских где-то даже жаль: единственные люди на свете, кому запрещено называть вещи своими именами.

— На башни не гляди, — сказал возчик, перехватив её взгляд, когда впереди, над линией деревьев, показались три силуэта: серебристо-серый, тёмно-красный и третий, почти чёрный, тонкий, как черта углём. — Быстрее не станет. Дорога длину сама решает. Ты иди себе и иди.

— Угу, — сказала Айра и, разумеется, стала глядеть на башни.

Глядела она на них добрый час, и весь час они не приближались, а под конец эти чёртовы башни, кажется, начали отдаляться. Она попробовала сделать несколько шагов назад — с такой дороги сталось бы. Не помогло: башни не шелохнулись, зато Айра в полной мере ощутила себя весьма и весьма недалёкой личностью. Возчик деликатно смотрел в другую сторону. Так деликатно, что у него тряслись плечи.

— Ну скажи, — предложила Айра.

— Молодёжь, — сказал возчик с удовольствием. — Все глядят. Каждый год. А кто старика слушать будет? Да никто.

— А чего башни разноцветные? — спросила Айра. Не то чтобы ей было сильно надо. Просто час был длинный, а старика, вон, никто не слушает.

— А это по школам, — отозвался возчик с такой готовностью, будто весь час только этого вопроса и ждал. — Красная — это Клинок. Эти дерутся. Я им харчи вожу, так что ты мне поверь: как эти едят — не всякая деревня ест. А чего б им не есть? Их казна кормит, чтоб они потом кого надо охраняли, а кого надо — наоборот.

— А серая?

— Серая — это который Архив. Учёные. Знают, почему вода мокрая да отчего огонь горячий. Всё пишут, всё-о-о пишут. Бумаги я им вожу больше, чем муки, — вот и суди сама, чем люди заняты.

— А чёрная?

Возчик пожевал губами и помолчал — первый раз за всю дорогу.

— А про чёрную, девонька, я тебе так скажу. Сколько вожу — не знаю. И отец мой не знал. Красным — харчи, серым — бумага, а туда не возят ничего. Ты слыхала, чтоб люди триста лет не ели и не писали? Вот и я не слыхал. Неспроста это всё.

И, помолчав ещё, прибавил совсем мрачно:

— Но платят вовремя.

Айра поглядела на третью башню, угольную, и на всякий случай решила, что ей туда не надо. Ей бы куда попроще. Где кормят.

А через пару минут башни — словно им надоели собственные идиотские шуточки — выросли в полный рост. Вот прямо так. С ходу. Только что — далёкий силуэт над деревьями, а теперь прямо над Айрой вставала стена — глухая, чёрная, тёсаная, — и голову приходилось

задирать до хруста, чтобы найти, где она кончается. По правую руку, у подножия стен, лежала вода.

И в озере стояла академия. Вторая, вниз головой.

Айра остановилась. Вода держала отражение так, как не держит ни одно зеркало: три башни до последнего зубца, стены до последнего камня, и всё это — чётче, ярче, правильнее настоящего: словно черновик поставили на берегу, а начисто рисовали в воде. Между двумя академиями, по кромке, шли крошечные кареты, и те, что внизу, выглядели красивее.

Она стояла, наверное, вдох. Может, полтора.

Так. Ладно. Ну, красиво. Что теперь, стоять тут до седых волос?

— Во-о-от, — протянул возчик, довольный, будто академию построил лично он, а озеро налил из своего ведра. — Тут, говорят, старый барон помер. Ну как помер. Решил просто однажды искупнуться, а озеро его возьми да и утопи. С тех пор всякие неучи его и зовут Зеркалом Мертвецов. А в бумагах, промежду прочим, — Тарнидское. Барона-то так и звали — Тарнид фон какой-то там.

Возчик причмокнул лошади, телега заскрипела дальше — и мимо Айры, одна за другой, потянулись кареты. Она посторонилась к самой кромке и пропускала обоз дольше, чем гляделась в озеро: гербовые, наёмные, снова гербовые. Издевательски неспешно проскрипело мимо знакомое несмазанное колесо.

Вот тебе и обогнала гербовый выезд. Ногами.

Про стены в три человеческих роста в нижнем городе, выходит, не ввали. Скорее уменьшали. Но стены Айру не смущали: стены — забота тех, кто лезет через верх. Она собиралась войти в ворота, как человек приличный. Со вчерашнего дня ей было можно.

Вот и проверим.

Телегу она догнала уже у ворот, где дорога кончалась — не воротами даже, а затором: кареты, телеги, сундуки, люди. Возчик, углядев её, ткнул кнутовищем в сторону этого столпотворения:

— Я ж говорил: не гляди. Кто на башни глядит, тот к воротам последним приходит.

И, бросив своё «бывай, не пропади тут», свернул левее, к неприметным воротцам для подвоя. Айра поправила сумку и пошла туда, где было гуще всего.

Уж что-что, а толпа была первым местом за два дня, где она знала все правила.

* * *

Толпа у ворот стояла правильная: плотная, потная, бестолковая. В такой Айра выросла, в такой кормилась.

Пахло лошадьми, духами, дорожным потом и чьим-то завтраком из корзинки. Кучера орали «куда прёшь», слуги орали «осторожнее, барское!», какая-то тётка причитала над уроненной шляпной коробкой, и всё это варилось, толкалось и гудело. После тишины и тумана — почти дом.

Причину затора она вычислила, не сходя с места: у самой арки, за конторкой, сидел писарь, перед писарем громоздились сундуки, а за сундуками бушевало сразу несколько хороших одетых людей.

Слуг дальше ворот не пускали.

Порядок был такой: подъехал, слез, простился. Свита остаётся за чертой, багаж — писарю, писарь макает перо и выводит в ведомости строку. Всё, что тяжелее ручной клади, уезжало куда-то во внутренние дворы отдельной подводой, «в порядке очередности», — а очередность, судя по горе сундуков, тянулась до первого снега.

Вокруг конторки кипели прощания. Матушка в летах совала сыну свёрток размером с поросёнка — от свёртка на весь затор пахло печёным тестом, и Айра сглотнула и стала смотреть

в другую сторону. В другой стороне седой слуга оправлял на юном господине воротник — будто отправлял его на войну, а не на учёбу. Двое кучеров, уже развернувших кареты, торговались с третьим, кому везти обратно безутешную тётушку. Тётушка рыдала в голос и никуда не хотела вестись.

Ближе всех к конторке стояла знакомая карета. Сливочная спорила уже, видимо, давно: щёки под дорожной пудрой горели, а три служанки позади держали по коробу и смотрели в землю.

Три сундука, четыре короба и шляпная башина. У неё там что — запасная горничная?

— Это вещи первой необходимости! — Голос у сливочной оказался высокий, породистый, натренированный на прислуге. — Все!

— Не сомневаюсь. — Писарь даже не поднял глаз. — Два места при себе. Остальное — в ведомость, доставят в порядке очередности.

— Да вы знаете, кто мой отец?!

— Отца тоже требуется оставить снаружи, — сказал писарь и перевернул лист. — Пункт четвёртый: родители только в порядке ручной клади.

Сливочная открыла рот. Закрыла. Посмотрела на служанок так, будто это они составляли устав, ткнула пальцем в один сундук, в один короб — и, когда служанки сгрузили отобранное у самых её ног, вдруг осталась с этим один на один. Сундук был хороший, кованный. Тащить его сливочная не умела совершенно: взялась, дёрнула, проволокла шагов пять — по чёрному камню поехал такой скрежет, что обернулась половина очереди, — постояла, отдышалась и поволокла дальше. Пять шагов. Отдых. Пять шагов.

Айра поправила сумку на плече — всю свою кладь, единственную и неповторимую, — и прошла мимо, налегке.

Учиться, говорят, никогда не поздно. Вот и учись, сливочная. Первый предмет — грузчицкое дело.

Дальше толпа густела.

Идти через толпу было бы просто. Стоять в ней оказалось работой. Не то чтобы Айра боялась тесноты — теснота её три года кормила. Беда крылась в кошельках. Их вокруг висело, как груш в чужом саду. У одного — на поясе, узлом, который развязывается взглядом. У другого — в заднем кармане, откуда кошельки не крадут, а достают. У третьего — на шнурке, и шнурок перетёрся до последней нитки: тут уже и красть нечего, тут падающее подхватить. Это не кража. Это просто людское милосердие.

Кто. Так. Носит. Деньги?

Руки за спину. Пальцы в замок. Дышать ртом.

Она отвернулась от шнурка — и упёрлась взглядом в кошель на купеческом пузе, толстый и самодовольный, как хозяин. Отвернулась от пуза — сзади зазвенело: кто-то, зевая, пересчитывал серебро на ладони. На слух — монет двадцать. На слух же — считать этот человек не умел: дважды сбился.

Я тебе посчитаю. Хочешь, я тебе бесплатно посчитаю, только дай...

Стало жарко. Утро стояло прохладное, от озера тянуло сыростью, а ей было жарко, как у печи. Айра задрала голову и стала смотреть в небо. В небе кошельков не было. В небе было хорошо.

Торг начался сам, без её участия. Один. Только один, вон тот, на нитке, — он всё равно упадёт, так пусть упадёт в хорошие руки. Считай, не украла — подобрала. Считай...

Я человек приличный. Я человек приличный. Я человек...

Толпа качнулась, подала её назад — и в раскрытую ладонь (она могла бы поклясться, что держала пальцы в замке) ткнулось что-то, тёплое от лежавших там монет, тяжёленькое. Само. Смотреть было незачем: на вес — серебро с медью, дневная выручка лавочника. Пальцы начали сгибаться. Выучка, отработанный хват.

Айра разжала их. Медленно, палец за пальцем, как отдирают присохшую повязку. Кошель уплыл вместе с хозяином. Хозяин так и не узнал, как ему сегодня повезло.

Впереди, у арки, кто-то громко застонал, и Айра со всем возможным вниманием переключилась на новое зрелище.

У самых ворот, в нише чёрного камня, стоял страж. Каменный. Статуей он только притворялся: когда очередной новичок подходил к черте, каменная голова со скрипом поворачивалась, наклонялась — и страж принимался... сочинять?

— О юная поросль рода Кессельроде... — Голос у него был как жёрнов по зерну, торжественный и неспешный. — ...чей пращур славен был в походе... Нет. «В походе» я отдал вашему деду, юноша. Повторяться недостойно. О отпрыск рода, чтимого в народе... «в народе» у меня дальше, нельзя дважды. О ветвь, возвращённая на огороде... — Страж подумал. — Забудьте, что слышали. В дивном угоде... нет такого слова. В колоде?... Недостойно...

Юноша Кессельроде стоял смиренно уже, судя по лицу, четверть часа — и бледнел с каждым черновиком. Очередь стонала. Страж перебирал рифмы с непоколебимостью статуи, у которой впереди вечность, — собственно, так оно и было.

— Приветствие, — шепнул кто-то сзади, поймав её взгляд. — Каждому новичку. Триста лет традиции. Главное — в рифму не отвечай. В позапрошлом году один умник ответил. Страж решил, что это состязание. Они закончили к ужину.

Старших, к слову, никто не рифмовал: те обтекали очередь слева, с сундуками на плечах, и поглядывали на новичков с сытым сочувствием людей, у которых это позади.

— Первый раз — самый длинный, — бросил один, не останавливаясь.

Другой — плечистый, в красном, с сундуком на плече — притормозил у ниши и жизнерадостно окликнул:

— Привет, Стихоплёт! Что, всё мучаешь свежую кровь?

— Не отвлекайте меня, юноша! — Страж даже не повернул головы. — Я ведь могу потерять рифму. Так... на чём я остановился? Хм... Да. Начнём сначала.

Очередь застонала в голос. Кессельроде покачнулся. Плечистый явно ради того и подходил — и зашагал дальше очень довольный.

Наконец страж разродился. Набрал воздуха — откуда у камня воздух, лучше было не думать — и провозгласил:

— О юная поросль славного рода Кессельроде! Твои отцы гремели при народе: в бою, в совете, в мирном хороводе... и прочее, и прочее в том роде.

Юноша отлип от черты и ушёл под арку, слегка шатаясь, как после удара по голове чем-то торжественным. Очередь сдвинулась и заметно повеселела.

Лотерея, прикинула Айра. И билет — фамилия. Своя — то есть чужая — смотрелась в раскладе неплохо: три буквы, рифмуй не хочу.

Девчонке по фамилии Мун, шедшей следом, считай, повезло: страж управился каких-то минут за пять. Все пять минут Мун держала книксен — присела в начале, а вставать без разрешения не рискнула — и колени у неё дрожали всё заметнее, когда страж наконец изрёк:

— Врата приветствуют адептку Мун. Твой шаг — полёт, твой разум — юн. Да будет путь твой светел, как сиянье лун, а голос — перезвон серебряных струн.

Мун разогнулась и уковыляла под арку со всей грацией, какая после такого осталась, — провожаемая завистливыми взглядами всей очереди. Следом подошли близнецы: одинаковые до пуговиц, тихие до прозрачности. Страж поглядел на одного. На другую. Снова на одного. Поскрипел. Задумался так надолго, что очередь начала прощаться с обедом. Потом в каменной голове что-то, видимо, щёлкнуло — и он выдал одну строфу на двоих, оптом:

— Врата приветствуют адептов Ир. Добро пожаловать — обоим — в этот мир, где знание — очаг, а мудрость — пир. Проход разрешён. Двоим.

Последнюю рифму страж, судя по всему, тоже сэкономил. Очередь восхитилась. Близнецы не восхитились ничем — забрали свою строфу на двоих и ушли под арку так же тихо, как стояли.

Имени страж, кстати, не спрашивал ни у кого: поглядит — и знает. Удобно. Для всех, у кого с именем всё в порядке.

Айра сдвигалась вместе с очередью и от нечего делать разглядывала стену вблизи. По чёрному камню разбегались тонкие синие жилки, как трещины по льду, — архонтит. Такой камень она видела один раз в жизни, на перстне у скупщика: тот заламывал за колечко цену дома с землёй и божился, что отдаёт себе в убыток. Здесь этим камнем был выложен забор. Ну как забор. Огромная, невероятно пафосная стена. Но всё же.

Не бедствуют. Определённо не бедствуют.

Потом очередь подвела её к воротам, и Айра подняла глаза.

Ворота были кованые, высокие, и в чёрное железо мастер вплёл герб: Знак в полный рост, вписанный в круг. Айра посмотрела — и по прутьям, изнутри железа, пробежала светящаяся жилка, тонкая, как волос. Пробежала, перевила завитки — и на пару мгновений Айра забыла, что собиралась выглядеть скучной. Из завитков и прутьев на неё смотрел её собственный жетон: с прорезью, с гранёным краем, тот самый, что висел под воротом.

Сзади, в очереди, кто-то со знанием дела шептал, что ворота показывают каждому его собственный Знак — так, мол, они узнают своих.

Его Знак. Не мой. Его.

Ей вдруг сделалось холодно — и толпа была тут ни при чём. Если железо в воротах знает, чей на ней Знак, — то что знает каменный?

Очередь кончилась быстрее, чем она придумала ответ.

Черта перед нишей оказалась не нарисованной — выбитой в камне и стёртой до блеска тысячами подошв. Триста лет первокурсников. Триста лет вот этого вот.

Каменная голова повернулась. Скрипнуло — как дверь склепа. В городе бы оценили, но в городе такого не слышали. Страж наклонился, и на Айру глянули глаза без зрачков — два гладких серых камня, в которых не было ни любопытства, ни скуки, ни пощады. Ничего в них не было. Может, поэтому казалось, что смотрят они насквозь: сквозь ворот, сквозь рубашку, сквозь цепочку с чужим жетоном — прямо в то место, где у приличных людей совесть.

Смотрел он долго. Дольше, чем на Кессельроде. Дольше, чем на всех, вместе взятых.

Цепочка на шее сделалась тяжёлой, как якорная. Очередь за спиной примолкла — учуяла заминку. Кто-то даже привстал на цыпочки: поглядеть, над кем это страж так задумался.

Ну вот и всё. Хорошо погуляла.

Камень скрипнул.

— Врата приветствуют адептку Сол. Да будет знание — её престол.

Скрип. Голова выпрямилась. Каменные глаза уже смотрели вверх неё, на следующего.

Айра стояла ещё мгновение, ожидая продолжения. Продолжения не было. Кессельроде получил поэму с муками творчества, а ей выдали ценник. Две строчки, рифма «Сол — престол», следующий.

А я, вообще-то, имя репетировала. Всю дорогу. Могла бы и спросить, статуя невежливая. Да и стих какой-то бедный вышел. А ещё Академия. Тоже мне.

Она шагнула под арку — камень дохнул холодом, как погреб, — и вышла с той стороны.

Три года улицы, два дня страху — и одно казённое двестишье.

Ладони она вытерла о штаны уже за воротами. Спина была мокрая, как после бани, и Айра честно признала: самое страшное испытание Архонтии она, надо думать, уже прошла — снаружи, в толпе, при чужих кошельках. И никто об этом не узнает.

Никогда.

Впереди, за аркой, гудел двор. И гул намекал, что насчёт самого страшного она поторопилась.

Глава 3. Чаша

Самое страшное выглядело так: двор размером с рыночную площадь, забитый народом до последней плиты, и всё это гудело, обнималось, тащило сундуки и орало через головы. Айра выдохнула. Гул как гул. В гуле она умела жить.

Двор, правда, был не рыночный. Мощён тем же чёрным камнем, что и дорога, только плиты крупнее и глаже, и по краю стояли деревья — с белой корой, голые, без единого листа, хотя лето ещё не кончилось. Приличным деревьям полагалось хоть что-то на ветках. Этим, похоже, не полагалось ничего, и они с этим смирились лет двести назад. Под одним, у восточной стены, толпа не стояла: обтекала, не сговариваясь, оставляя пустой пятак. Так обтекают лужу, которой не видно.

А дальше поднимался Корпус. Серая громада в шесть этажей — и без единого окна в первом: хозяева, стало быть, знали, что такое воры. Или сами были из них. Выше окна шли рядами, узкие и глубокие, как бойницы, и каждое, казалось, глядело во двор лично. За Корпусом, с трёх сторон, вставали башни — серебристая, красная и чёрная, те самые, что дразнили её с дороги, — но отсюда, снизу, они смотрелись не хозяйками, а свитой. Хозяйкой была эта серая туша без имени и украшений, тяжёлая, как бесплатная работа, и от неё во все стороны разбегались пристройки, галереи, переходы — будто зданию сделалось тесно, и оно расплозлось. Здесь всё строили с одной целью — подавлять.

Уютно.

Впрочем, это если смотреть. Нюхать двор было приятнее. Сквозь толпу, сквозь пот, лошадей и чей-то недоеденный пирог слоями пробивалось другое: окалина откуда-то справа, старая бумага слева, а когда ветер поворачивал из-за Корпуса — смола, тёплая, и вот это «уютно» выходило уже без кавычек. Город, сжатый в один двор: каждый район со своим запахом.

Народ во дворе делился на два сорта. Первый — новички: эти жались кучками, задирали головы и держали бумаги так, будто бумаги могли убежать. Второй — все остальные: эти шли через двор наискось, сундук на плече, кто-то обнимался с друзьями, кто-то злобно глазел по сторонам, а кто-то просто был рад поболтать с людьми, которых не видел с прошлого семестра.

— Ты вырос, что ли? — орал кто-то в красном кому-то в красном.

— Это сундук тяжёлый, я от него выше кажусь!

— Саре-е-е-ет!

Парня с сундуком окликнули из толпы — и тут же, с разбега, вlepили ему размашистый удар в лицо. Бил детина в таком же красном, и бил, Айра должна была признать, хорошо: таким ударом и лошадь свалить можно.

Вот только Сарет — это ведь было имя, а не ругательство, понятное только местным? — не только устоял на ногах, но даже сундука с плеча не выронил.

— Рраговы штаны... — прошипел он, вытирая кровь с разбитой губы. Затем аккуратно поставил сундук на землю и немного размял шею. — Братишка. Ты на втором курсе, а бьёшь как бабушка в плохой день. Смотри, как надо.

И залепил братишке в морду — и Айра могла бы поклясться: кулак его в момент удара светился, как уголь под мехами.

Братишка улетел куда-то в толпу, под ошарашенные взгляды новичков. Двор на мгновение замер.

— Я в порядке! — донеслось чуть погодя из толпы.

И всем этого будто бы хватило, чтобы вернуться к своим делам.

Лучшая магическая академия. Достойнейшие из достойных. Ага.

Поскольку представление в этой части двора закончилось, едва начавшись, Айра снова вернулась к изучению окрестностей.

У лестницы Корпуса, на нижней ступени, сидела кошка. Пегая, потрёпанная, с заломленным на конце хвостом. Она вылизывала лапу с видом хозяйки, к которой опять понаехала вся эта родня, — кормить придётся. Корми их, одевай. Любить? Этого в бумагах не было. На Айру она подняла глаза, подержала взгляд — достаточно, чтобы Айра поняла своё место, — и вернулась к лапе.

Айре она сразу понравилась.

Сквозь толпу, скрежеща по плитам, проехал знакомый кованый сундук. Сливочная тащила его уже без пауз на отдых — то ли пристрелялась, то ли злость толкала лучше служанок. Волосы у неё выбились, пудра держалась из последних сил. Айра проводила сундук взглядом, как провожают чужую беду: с сочувствием и плохо скрываемым ехидством одновременно.

— Новички! — грянуло над двором. — Новоприбывшие! Все ко мне, кучкой, кучкой!

Голос был зычный, добродушный и какой-то бездонный. Принадлежал он человеку-горе: грузному, широченному, в буром балахоне не по погоде. Гора стояла у дальнего угла Корпуса и махала новичкам ручищей размером с лопату.

Новички потянулись на зов, как цыплята на крупу. Айра пошла с ними — и всю дорогу смотрела на гору с профессиональным недоумением. Шёл провожатый странно. Вернее, стоял странно: вес его гулял — с левой ноги на правую, с правой куда-то в середину, будто тело само ещё не решило, какой ногой шагать первой.

Хромой, — решила Айра. — Или отсидел ногу. Или обе.

— Так! — сказала гора, когда новички сбились в кучку. — Все тут? Все. За мной, юные дарования! Держаться меня, не отставать, не разбредаться!

И гора повела их вдоль Корпуса — вразвалку, зато бодро. По дороге она говорила. Не умолкая.

— Академия наша — лучшая в мире! Тут из вас сделают людей! Ну, из некоторых. Из большинства не сделают, скажу честно, потому что вы, уж простите старика, бездари. Особенно ты. В очках. Да-да, я про тебя говорю. Бездарь и есть! Но это ничего, это нормально: бездарями приходят все, а к середине первого курса — р-раз! — и половины уже нет!

Кучка новичков сбилась плотнее.

— А куда... — пискнул кто-то храбрый, — куда деваются?

— Хороший вопрос! — обрадовалась гора. — Правильный! Домой, думаешь? Ха! Домой отсюда не отсылают, запомни, малёк. Провалившихся у нас вму-ро-вы-ва-ют. В стены! Академия старая, стен много, места всем хватит. Да и призраки лишними не бывают. Какая академия без призраков? Вон там, — ручища махнула на глухую кладку западного крыла, — мой дорогой братец вмурован. Третий кирпич от угла. Мир его костям! Я ему каждое утро киваю.

Кучка остановилась как один человек.

— Шучу! — Гора захохотала так, что с ближнего дерева не взлетела ни одна птица, потому что птиц там отродясь не было. — Шучу я! Это же парадная стена, вы чего? Совсем, что ли? Он во-о-о-н там, рядом с отхожим местом, там ещё стена мхом поросла. Эх, братишка-братишка... Бездарем родился, бездарем и помер.

Айра слушала это с интересом коллекционера. Врал провожатый вдохновенно, размашисто, с деталями — на рынке такого рассказчика поили бы за счёт заведения. Смущало одно: враньё было на публику, а шаг — будто провожатый торговался сам с собой, куда ставить ногу.

Додумать она не успела. Из бокового прохода, придерживая огромную папку под мышкой, вылетел человечек — узкий, серый, взмыленный, с лицом, на котором усталость давно победила все остальные выражения, — и застыл.

— Прошу прощения, — выдохнул он в сторону новичков. — Я должен был встретить вас у ворот, но меня задержали в канцеля... — Взгляд его дополз до горы в буром балахоне.

Усталость на лице уступила место чему-то среднему между тоской и яростью. — Какого прага?! ОПЯТЬ?!

Гора захихикала.

Захихикала она нехорошо: в три голоса сразу, вразнобой, — и рассыпалась. Балахон осел на плиты, из него брызнули трое. Мелкие, серо-бурые, головастые, на тонких лапках — каждый размером с упитанного кота, если кота поставить на задние ноги и научить дурному. Один нахлобучил на макушку шапку провожатого, второй прихватил, кажется, чей-то оброненный платок, третий не прихватил ничего и, судя по обиженному верещанию, считал себя обделённым. Все трое дунули в три разные стороны и сгинули: один в водосток, один под крыльцо, один просто за угол.

Стало тихо.

— Нтары, — с бесконечной усталостью сказал человечек с папкой. — Прошу простить. Завелись года три назад, вывести не можем. Кто-то принёс на башмаках, а нам теперь всем от них мучиться.

Он поправил папку и оглядел кучку новичков, пересчитывая по головам.

— Так. Все целы. Уже неплохо: в прошлом году они увели троих в прачечную, и те два часа ждали там распределения. Меня зовут куратор Отт, я отвечаю за первый курс. Запоминать не обязательно: к концу недели вы будете звать меня «тот, которому вечно что-то от нас надо». За мной. Не отставать.

И он повёл — быстро, наискось, без единого лишнего слова. Точнее, слова были, но все по делу:

— Не отставать. Плиты с гербом не топтать. В левый коридор не смотрим. Если услышите пение — вы его не слышали.

— А что за пе...

— Нет никакого пения! Вопросы?

Вопросов не было.

— Вот и правильно, — сказал куратор Отт с чувством. — Вопросы тоже запрещены, к слову.

Айра шагала в середине кучки и вела два счёта разом. Первый — повороты: два налево, один направо, запомнить. Второй счёт был грустнее. Людей она читала на спор и без спора, по походке брала кошельки и по глазам — сдачу. А сегодня её обвели трое головастика, стоявших друг у друга на плечах.

Список того, о чём она никогда и никому не расскажет, пополнился вторым пунктом. День шёл к полудню.

* * *

В холле Корпуса их построили в очередь к столу, за которым сидел человек в серой мантии — немолодой, со стёртым от долгой службы лицом — и держал руку на кристалле, вправленном в медную подставку. Очередь шла через него, как нитка через игольное ушко: имя по бумагам, уголок к кристаллу, кристалл мигал ленивым белым, как сытый светляк, отметка в листе.

— В зал. Ждать вызова.

— В зал. Ждать вызова.

— В за-а-ал...

На Айре кристалл мигнул тем же сытым белым, что и на всех. Хорошая машинка. Честная. Ей бы такую — скупщиков проверять.

— В зал. Ждать вызова, — сказал человек, не поднимая глаз, и Айра пошла, куда велено, с приятным чувством, что здесь её проверили уже трижды, и все три раза она оказалась не она.

Ха. Дурачьё. А ещё лучшая академия.

Большой зал начинался с дверей — высоченных, дубовых, распахнутых настежь, — и с гула за ними. Гул был неправильный. Айра прикинула на слух, ещё не войдя: народу за дверями — сотня, не меньше. А слышалась эта сотня, как десяток человек за стеной.

Внутри выяснилось почему. Зал глотал звук. Колонны в два обхвата уходили вверх, к потолку, которого не было видно — там, наверху, свет голубоватых ламп просто сдавался, — и вся эта каменная глотка жрала шум толпы, не даваясь. Людей вдоль стен стояло сотни полторы, не больше, — а зал был велик на добрую тысячу, и оттого люди в нём терялись, как горсть монет в чужом кошельке. Говорили в полный голос — а выходил всё равно полушёпот. Зато когда от центра зала кашлянул распорядитель — кашель пролетел из конца в конец, как брошенный кому-то в лоб камень.

Старшие стояли по стенам, разобранные по цветам, как товар на хорошем прилавке. Справа — красное: много, плотно, шумно. Слева — серебристо-серое: поуже и потише. А в дальнем углу — тёмно-синее, почти чёрное: этого было совсем мало, и стояло оно так, что между людьми оставался нормальный такой зазор. Даже кучкуясь, эти люди умудрялись стоять поодиночке.

На возвышении вдоль торцевой стены сидели преподаватели — рядком, в мантиях, со скукой ежегодной повинности. Айра скользнула по ним взглядом и не стала задерживаться: начальство как начальство.

Задержалась она на другом. У дальней стены, в стороне и от цветов, и от возвышения, стоял кто-то высокий. Там, где он стоял, лампы почему-то работали, как Айра, когда ей доводилось получить какую-то настоящую работу, — вполсилы, и то если повезёт. Света от них едва хватало, чтобы разглядеть тёмный силуэт, руки за спиной. Стоял он неподвижно. Совсем. Так стоят либо очень скупающие люди, либо очень терпеливые. Ну или те, кому настолько скучно, что душа покинула тело и сейчас скользит где-то в облаках.

Айра отвела глаза и занялась делом: пересчитала выходы. Двери, в которые вошли. Двери за возвышением. Узкая дверца за колоннами слева. Итого три — и полный зал глаз на каждую.

Прекрасно. Если что — бежать некуда, зато у всех на виду. Умру знаменитой.

Посреди зала, на каменной тумбе по пояс высотой, стояла чаша. Тёмного металла, некрупная — с два кулака. Ни огня при ней, ни воды, ни жаровни: чаша на голом камне, и всё. При тумбе — распорядитель в серой мантии, помоложе и поживее давешнего, из холла, и писарь за конторкой: перо наготове.

Честно говоря, это была первая академия, в которую Айре удалось просочиться, но каким-то своим нутром она всё-таки ожидала от подобных штук большей... напыщенности? Важности? Чувства вершащихся судеб? А тут просто какой-то кубок и два мужика в сером.

Ну да боги с ними. Она не за тем сюда пробралась.

Новичков тем временем выстроили вдоль колонн. Распорядитель поднял руку, и зал — весь, разом — умолк без единого окрика.

— Чаша принимает, — сказал распорядитель. Негромко. Услышали все. — Знак ответит. Цвет решит.

И весь зал вполголоса пробормотал следом, вразнобой и наизусть, как бормочут молитву, которую выучили раньше, чем смысл:

— ...Знак ответит. Цвет решит.

Сама она, конечно же, тоже попыталась повторить за всеми, но сбилась на втором же слове и дальше просто шевелила губами.

По коже, между лопаток, прошёл холодок. Она списала его на сквозняк. Сквозняка не было.

* * *

Порядок Айра разобрала за три головы до себя. Подходишь по вызову. Снимаешь Знак. Кладёшь в чашу. Чаша вспыхивает. Распорядитель называет цвет, писарь скрипит пером, зал у нужной стены отвечает — каждый по-своему. Забираешь Знак. Идёшь к своим.

Просто. Быстро. Публично.

Ну-с, либо всё и тут пройдёт так же легко, как и с остальными проверками, либо она сейчас при всём честном народе опозорится, а после положит голову на плаху.

Ладони у неё были сухие. Бояться она умела аккуратно — внутрь, не наружу.

А пока — смотрела. Во-первых, полезно. Во-вторых, отвлекало.

Первым к тумбе вызвали здоровяка ростом с дверь. Знак он опускал в чашу двумя пальцами, бережно, как птенца в гнездо. Чаша полыхнула красным — густым, во весь зал, и в сердце этого красного дрожала оранжевая искра.

— Клинок, — сказал распорядитель.

Правая стена взревела. Не вежливо, не по протоколу — всерьёз, всей грудью, так, что лампы мигнули. Здоровяк просиял, будто цвет был его личной заслугой, и пошёл на рёв.

Так, ну красные — это определённо те, кто любят кулаками помахать. Могла бы ещё во дворе понять.

Где-то за спинами, у серой стены, деловито забормотали. Айра наострила ухо: там принимали ставки. «Два яблока на серебро для очкастого». «Три к одному, что рыжая — Клинок». Голоса были молодые, наглые и очень довольные жизнью.

Тотализатор на первокурсниках. И не стыдно им? Нет, окажись я по ту сторону, я бы первой начала ставки принимать, но я-то не по ту сторону! Я тут! Позор вам!

И за этим мысленным монологом Айра почти пропустила, что и на неё саму уже идут ставки. «Серая, тощая» шла один к восьми на Клинок и три к одному на Архив.

Серая?! Рубаха, между прочим, почти новая.

Кстати, о сером. Мантии здешней obsługi — распорядитель, писарь, давешний человек с кристаллом — были, если приглядеться, тем же серебром, что стена слева. Только вылинявшим за годы службы. Архив? Значит, туда идут те, кто поумнее. Запомним.

Дальше пошло вперемишку. Тонкая девочка — такие читают на ходу и врезаются в столбы — получила красный гуще, чем у здоровяка. Правая стена взревела с удвоенной силой, то ли от восторга, то ли от ужаса, и девочка близоруко пошла на рёв, как на читальный зал. Крепкий парень с мясницкими плечами вытянул серебро — спокойное, холодноватое. Красная стена подавилась гулом, у серебряной вежливо захлопали, а за спиной у Айры кто-то с треском порвал бумажку. Рослая девица с вертикальными зрачками и парой небольших рогов в тёмных волосах — от неё даже через две головы тянуло жаром, как от печки, — полыхнула красным во весь зал и на рёв правой стены рывкнула в ответ что-то радостное и невоспитанное. Красная стена приняла её как родную.

Сливочная (было бы забавно, если бы она втащила сундук и сюда, но нет — он, видимо, остался за дверью) вытянула серебро. Судя по лицу, серебро к её сундукам шло меньше, чем красное, — но кто ж спрашивает.

А потом случился сбой.

Щуплый парнишка — такого в толпе не заметишь, пока не наступишь, — положил Знак, и чаша задумалась. Секунду. Две. Три. Писарь занёс перо и держал его на весу. Распорядитель не двигался. И зал — весь, целиком — затих по-другому: не по протоколу, а по-живому, как затихают над упавшим канатоходцем.

На третьей секунде чаша выдала серебро — слабенькое, как разбавленное. Зал выдохнул. Писарь скрипнул пером с видимым облегчением. Парнишка отлип от тумбы и ушёл к серебряной стене так, будто его только что вернули с того света и не объяснили зачем.

Урок Айра усвоила целиком: когда чаша медлит — смотрят все.

Спасибо за репетицию, — подумала она в адрес парнишки. — Я бы предпочла без неё.

Близнецов вызвали одного за другим — фамилии у них, понятно, совпадали. Похожие не лицами — повадкой: одинаково серые, одинаково незаметные. Айра помнила их ещё по воротам, где страж срифмовал обоих оптом. Чаша оптом работать отказалась. Первый — тёмно-синий. Тишина: дальний угол не издал ни звука. Вторая — тёмно-синий. Тишина.

И под конец — один-единственный саркастический хлопок откуда-то из дальнего угла.

Весёлый факультет. Обзавидуешься. Не повезло вам, ребятаки.

— Сол, Ренн, — сказал распорядитель.

Пошла она, как репетировала: скучная походка, скучное лицо — смотреть не на что, глядите дальше. Весь зал, разумеется, глядел прямо на неё.

Знак она сняла через голову одним движением. Цепочка зацепилась за ворот — нет, не зацепилась, показалось. Три года она таскала краденое в дом скупщика и ни разу — ни разу — не приносила сама, добровольно, на глазах у стражи.

Ты меня там не выдай, — напомнила она жетону. — Мы договаривались.

Знак многозначительно промолчал и лёг в чашу с тихим звяком. Металл о металл, самый обычный звук.

И ничего не произошло.

Секунда. Две. Три. Это нормально. У парнишки до неё тоже так было. Вот-вот покажет какой-нибудь слабый огонёк, и она пойдёт спокойно. Писарь занёс перо. Пять секунд. Где-то у серой стены оборвался шёпот тотализатора. Зал затихал — по-живому, над канатоходцем, и канатоходцем была она. Десять.

Сейчас меня будут бить.

Она стояла со скучным лицом. Двери — три. Свидетели — все до единого. Расклад — дрянь. Если чаша сейчас скажет всё, что думает, добежать она успеет разве что до писаря. И что это даст? Укусить его за лицо?

Чаша вспыхнула.

Тёмно-синим — густым, глубоким, темнее, чем у близнецов. И по краю света, по самой кромке, прошла тонкая чёрная кайма. Прошла и стёрлась — быстрее, чем Айра успела решить, была ли она. Показалось. Десять секунд зал ждал цвета — и дождался: синее как синее. Зал выдохнул и потерял интерес. В кромку не всматривался никто.

БОГИ ВСЕМИЛОСТИВЫЕ СПАСИБО ВАМ.

— Тень, — сказал распорядитель. — Зачислена. Следующий.

Тишина. Дальний угол не издал ни звука — в этот раз даже без саркастического хлопка. Даже крошечного.

А вот от красной стены отчётливо долетело сдавленное:

— Да чтоб тебя!..

Кто-то только что проиграл яблоки. Ставил, надо думать, на Архив.

Сочувствую. Я бы тоже на себя не поставила.

Айра забрала Знак — самый обычный, ничего не случилось, всё показалось — и пошла через зал к тёмно-синему углу. Шла и считала плиты: надёжное занятие, когда глаз на тебе больше, чем плит под ногами. На полдороге затылок ей всё-таки прожгло — коротко и точно. Она не выдержала и скосила глаза.

От дальней стены, из тени, где лампы не старались, на неё смотрели. Полсекунды. Светлые — до белизны — глаза на тёмном силуэте.

Полсекунды кончились. Силуэт уже смотрел мимо, на тумбу, на следующего, и стоял всё так же неподвижно, и было совершенно непонятно, смотрел ли он вообще.

Не выдумывай. Ты синяя. Ты как все. Иди.

У тёмно-синей стены её встретили так, как Тень, видимо, встречала всех: никак. Близнецы стояли рядом — зеркально, руки одинаково сложены. На неё они посмотрели одновременно, одинаково и недолго. Потом та, что слева, — сестра — молча подвинулась на полшага, освобождая место у стены.

По меркам этого угла, сообразила Айра, это был салют.

Она встала рядом, спиной к холодному камню, и досмотрела распределение уже из первого ряда. Рыжеватый парень с веснушками — такого хоть сейчас на вывеску булочной — вытянул тёмно-синий и пришёл к ним, улыбаясь, будто выиграл в лотерею, — тишина его ничуть не смутила. Следом синий выпал девушке с тугой косой — та шла к ним, как на приговор, — потом ещё одному, тихому и длинному. Красная стена ревела ещё дважды, серебряная хлопала, писарь скрипел. Чаша ни разу больше не задумалась.

Вот и всё. Ты внутри. Ты — Тень. Знак сработал, легенда сработала, никто ничего не...
— Так вот ты какая, — сказали над самым ухом.

Секунду назад там никого не было.

Глава 4. Семь утра

Рядом стояла девица с вертикальными зрачками. Та самая, что полыхнула на весь зал красным и рывкнула в ответ на рёв целой стены. Стояла вплотную, наклонившись к самому уху, и разглядывала Айру с ничем не прикрытым интересом.

Жар от неё шёл, как от открытой заслонки, — а дошёл до Айры только вместе с голосом. Сегодня её уже обвели нтары, трое в одном балахоне. Теперь вот девица, которую слышно через весь зал, подошла неслышно.

— Какая? — спросила Айра.

— Пока не знаю. Выясняю.

Девица неспешно обошла её кругом — прицениваясь, как к лошади на ярмарке. Даже голову набок склонила. Айра прикинула в ответ, по-своему: крупная — на голову выше, в плечах вдвое, из тех, кто в толпе идёт напролом и не замечает. Кожа медная, с красниной, будто под ней недоостыло железо. Из чёрных волос, закрученных небрежно, торчали два небольших рога, гладких, загнутых назад. В драке от такой не убежишь и такую не свалишь — хорошо, что она, судя по всему, набивалась в подруги.

— Десять секунд! Я считала. У всех раз — и готово, а у тебя она думала. О чём вы с ней разговаривали?

— Разговаривали?.. С кем?

— С чашей. — Она пожала плечами. — Все с ней говорят. Внутри. Кто молится, кто прощается, кто ругается. А ты что делала целых десять секунд?

Айра открыла рот. Закрыла. На такие вопросы у неё ответов не водилось.

— Торговалась, — сказала она осторожно.

— Так и знала! — просияла девица, и в улыбке блеснули клыки, чуть длиннее людских. — Я так и сказала нашим: с этой тощей надо дружить. Я Тай. Полностью — Тайэн, но полностью меня зовут, только когда я что-нибудь сожгла. Фамилия — Ру. Раньше, говорят, была длиннее, но половину оттяпали за какие-то грехи. А ты?

— Ренн.

Больше к этому ничего не пришло. Первый раз за весь день.

Айра поправила лямку сумки.

— Ренн, — повторила Тай с удовольствием, пробуя на вкус. — Неплохо. Неплохо.

Зал тем временем приходил в движение: распорядитель свернул ведомость, писарь посыпал последнюю строку песком, и полтора человека вдоль стен разом вспомнили, что у них есть дела. Айра на всякий случай проверила своих: близнецы стояли, где стояли, тревоги никто не поднимал. Обычный конец обычного дня, если такие дни вообще бывают обычными.

— Слушай. — Тай понизила голос до заговорщицкого, то есть примерно до обычного человеческого. — Мне нужны знакомые на всех трёх факультетах. Это стратегия. Пока мы все никто и ниоткуда — знакомиться дёшево. Потом вы все станете дорогие и важные, и поди к вам подступись. Я вложилась в тебя первой, запомни это.

Айра даже на секунду растерялась. Это был комплимент? Или её только что назвали дешёвкой?

— КЛИНОК! — грянуло от красной стены так, что у Айры зазвенело в ухе. Невысокий жилистый человек в красном стоял там, где мгновение назад кипела толпа, и толпа при звуке его голоса сама собой становилась строем. — Новички — ко мне! Вещи потом! Всё потом!

— А. Это меня.

И не сдвинулась с места.

— Клинку, говорят, с первого дня дают плац, — сообщила она. — Настоящий. Я уточнила у троих старших — все трое соврали, конечно же, но я всё равно думаю, что дают. Люблю

это место. — Она уже пятилась в сторону строя, тыча в Айру пальцем: — Найду тебя за ужином.

И уткнулась: шумно, жарко, насквозь через толпу, которая расступалась перед ней сама, вроде бы того не замечая.

У красной стены рявкали, строились и гремели. У серебряной кого-то уже выкликали по списку, вежливо и по алфавиту.

Тень не выкликал никто.

— Тень, — сказали рядом. Негромко, без выражения, и всем шестерым сразу, хотя стояли они вразброс.

Женщина в тёмном оказалась подле них — именно оказалась: только что её не было, и вот она есть, и по её лицу было ясно, что стоит она тут уже давно и никуда не торопится. Первым делом Айра проверила, не пытаются ли эти три головастика снова её провести. День приучил. По росту — непонятно. Походка — непонятно, женщина же просто стояла. Одежда плотная и закрытая — непонятно.

Но у неё было вполне человеческое лицо. Уже что-то. Хотя и с ним было что-то не так. Айра легко запоминала лица: приметы, шрамы, манеру шуриться — а тут глядела в упор и чувствовала, как лицо утекает из памяти быстрее, чем взгляд его собирает. Глаза, кажется, светлые. Или тёмные. К концу этой мысли она уже не помнила, какие.

— Я декан вашего факультета, — сказала женщина. — Пока этого будет достаточно.

Достаточно? Для чего?

Спрашивать Айра, разумеется, не стала. Пятеро остальных, судя по общему молчанию, пришли к тому же выводу тем же путём.

— За мной.

И пошла, не оглянувшись и не проверив. Отстанешь или замешкаешься — твои проблемы.

Шестёрка потянулась следом. Айра пристроилась ближе к хвосту, по привычке пересчитав напоследок выходы из зала. Всё ещё три. И все сейчас останутся за спиной.

Ну что ж. Внутрь так внутрь.

* * *

Вела их декан долго: коридор, лестница, галерея, снова коридор. Корпус по дороге менялся, но не камнем — звуком. Сначала отстал гул зала. Потом стихли голоса и хлопанье дверей где-то по этажам. Потом кончились и шаги чужих, и на третьем повороте Айра услышала собственные: событие, которого с ней не случилось лет с шестнадцати. Она умела ходить тихо. Здесь было тише, чем она умела.

Шли молча. Все шестеро. Никто не спросил, куда ведут, никто не представился — даже не кашлянул никто.

У двери без вывески, тёмной и никак не отмеченной среди других таких же, декан остановилась.

— Крыло Тени. Комнаты — по списку у куратора. Остальное — завтра.

— А когда за... — начал рыжий парень с веснушками.

Он не договорил, потому что обращаться стало не к кому. Айра честно смотрела в оба, на этот раз нарочно, и всё равно не увидела, куда декан делась. Только что стояла. Теперь дверь, стена и шестеро первокурсников в пустом коридоре.

Полезное умение. Завидное даже. Нас ведь такому тоже научат?

— Хм, — рыжий оглядел место, где только что стояла декан. — Это было неожиданно.

За дверью без вывески обнаружился короткий тёплый коридор, а в коридоре — куратор Отт, всё с той же огромной папкой, зажатой под мышкой. Судя по лицу, он уже успел сегодня поискать кого-то в прачечной — и не исключал, что придётся ещё.

— Так, Тень, — он раскрыл папку на весу. — Все шестеро. Уже неплохо. Комнаты распределены, спорить о комнатах нельзя, меняться комнатами нельзя, спрашивать почему — тоже нельзя.

— А что можно? — не выдержал кто-то.

— Нельзя. А теперь расписывайтесь.

Отт извлёк из папки ведомость.

— Подходим по одному. Получаем: одеяло шерстяное, одна штука. Простыни, две штуки. Подушка, одна штука. Форма факультетская, комплект. За утрату — возмещение.

— Чем? — поинтересовалась Айра.

Отт поднял на неё глаза. Во взгляде его читался весь долгий, очень долгий опыт бесед с первокурсниками.

— Вопросы, — напомнил он, — запрещены.

Форма Тени оказалась тёмно-синим сукном, в сумерках почти чёрным, и выдавалась в двух размерах: «велик» и «мал». Айре достался «мал», который был велик. Она прикинула форму на себя, взвесила на руке. Сукно было плотное, новое, такого она не носила никогда. Подшить по фигуре она сумеет за вечер, дело нехитрое. Надо только у кого-нибудь стащить иглолку с нитками.

Подходили по одному, Отт называл имена по ведомости. Так Айра узнала, что рыжего — того самого, которого она ещё в зале прочила на вывеску булочной, — зовут Тевром.

Комната ей выпала предпоследняя по коридору. Тевру — напротив.

— Соседи! — обрадовался Тевр.

— Да, — мило улыбнулась Айра, проскальзывая в свою комнату и закрывая дверь прямо перед носом Тевра, — соседи.

Комната была узкая: кровать, стол, табурет, полка, окно в локоть шириной. Айра первым делом подошла к окну. Второй этаж, карниз, водосток по правую руку. Если выдохнуть, пролезть можно. Особенно если последние несколько лет ты и думать не смел о нормальной еде.

В двери был замок. Простой, знакомый: она таких на своём веку открыла, наверное, сотню.

Айра заперла его. Отперла. Заперла снова.

С этой стороны замка она стояла впервые в жизни.

Так. Это просто замок. Прекрати немедленно.

Ещё раз отперла. Заперла. Отперла. Заперла.

— Так, всё. Хватит.

Она отложила ключ, села на кровать и произвела полную опись имущества. Сумка: смена белья, гребень, моток бечёвки, огарок — раз. Лезвие из манжеты — два. Бумаги Ренна — три. Знак с цепочкой — четыре. Всё её движимое состояние уместилось на казённом одеяле кучкой размером с кошку, и ещё осталось место.

Ещё позавчера такая кучка сошла бы за состояние. Сегодня к ней прилагались комната, замок и обещанный ужин. Она решила не привыкать. Потом передумала: а что бы и не привыкнуть?

Бумаги она пока оставила при себе, за пазухой. Щель за подоконником была неплоха: сухая, глубокая, снаружи не видать. Но щель это щель. Сперва надо пожить и понять, кто тут ходит, когда и зачем. Привычка надёжнее тайника.

А ещё в комнате было тепло. Непонятно откуда: ни печи, ни трубы, ни жаровни — голый камень. А грело сухо и надёжно, как от хорошо протопленной печки. Айра поискала источник, не нашла, потом поняла, что ищет, и бросила.

Тепло — даром. Просто так. Каждый день.

Форму она надела сразу, неподшитую: сливаться с фоном — первая заповедь улицы, а фон здесь был тёмно-синий.

Она сидела на своей кровати, в своей комнате, за своим замком, и ей понадобилось усилие, чтобы встать: где-то там, за коридорами, обещали ещё и ужин.

* * *

Списки вывесили к вечеру, в холле Корпуса — три листа на тёмной доске, у которой уже топталась половина первого курса.

Красный лист был длинный, в два столбца. Серый — длинный, в полтора. Синий держался скромнее: шесть строк. Печать под ними была едва не больше самого списка — лиловая, с гербом, с надписью по кругу: «Утверждено. Обжалованию не подлежит».

Кто-то, стало быть, когда-то пробовал.

Айра нашла глазами свою строку. «Сол Ренн» — казённым почерком, прямым, как забор. Имя стояло в столбце как настоящее, между чужих настоящих, и ничем от них не отличалось.

Бумага — она такая: что написали, тому и верит. Ни вопросов, ни «а докажи». Золото, а не собеседник.

Под доской, на каменной приступке, сидела давешняя пегая кошка с заломленным хвостом и смотрела не на списки — на тех, кто читал. Проверка шла своим чередом.

Столовую Айра нашла по звуку. После крыла Тени, где собственные шаги казались до неприличия громкими, столовая обрушилась на неё всем сразу: гвалт, лязг посуды, пар над раздачей, запах горячего варева, от которого рот наполнился слюной быстрее, чем она успела соблюсти достоинство. Тут наконец гудело как положено. Как на рынке в обеденный час, только без карманов. То есть карманы были, но...

Мы это уже обсуждали. Руки за спину.

Давали густую похлёбку, ломоть серого хлеба и кашу, в которой блестело настоящее масло. Да и в похлёбке было мясо. Прямо настоящее мясо, а не нарисованное на дне миски.

Первую треть миски Айра не запомнила. Очнулась, когда обожгла нёбо. Цена была приемлемой.

Она бы и оставшиеся две трети так же проглотила, но тут рядом что-то грохнулось, бахнуло, её толкнули и обожгло неведомо откуда взявшимся жаром.

— Нашла, — сообщила Тай с такой гордостью, словно сдержала страшную клятву. — Ты не пряталась. Скучно с тобой.

Уселась она, не спрашивая, прямо за стол Тени — под тёмно-синие взгляды, которых не случилось: близнецы на дальнем конце даже не обернулись. Ели они так же, как стояли в зале: одинаково, молча, зеркально — один заканчивал движение, которое начал другой.

— Хлеб бери сейчас, — распорядилась Тай и придвинула ей свой ломоть. — К концу разбирают. Я проверила. Дважды.

— А ты?

— Я взяла три. — Она показала три пальца. — У меня расход больше. Я термически одарённая, мне положено.

Возражений не нашлось. Хлеб Айра взяла. Не из веры в расход: отказываться от хлеба её жизнь не научила и учить не собиралась.

Ели молча — недолго. Молчать дольше тридцати секунд Тай, судя по всему, физически не умела.

— На плац нас всё-таки поведут, — доложила она с набитым ртом. — Завтра. Мастер Брек сказал: «Посмотрю, из чего вы все тут сделаны». Это который орёт постоянно. Он мне нравится. Когда человек так орёт, ему нечего скрывать. А у вас что завтра?

— Не знаю.

— Как можно не знать?!

— У нас не сказали.

Тай задумалась, склонив голову. Вертикальные зрачки сузились.

— Тень, — произнесла она с уважением. — Даже расписание — тайна. А ректора видела? Ну, нашего. Общего.

— Которого?

— У стены стоял, на распределении. Высокий, тёмный, вот тут светлое. — Тай неопределённо повела рукой вокруг глаз. — Наши старшие говорят: он всегда так стоит. Где темно. Лампы при нём сами тухнут — будто он весь свет вытягивает из них. Семь лет ректор, и никто ни разу не видел, чтобы он опоздал, ошибся или обрадовался.

Лампы при нём тухнут.

Айра вспомнила дальнюю стену зала — и свет, горевший вполсилы как раз там, где стоял неподвижный силуэт. Полсекунды почти белых глаз она тоже помнила. Между лопаток потянуло тем же холодком, что в зале, — и снова без всякого сквозняка.

— Не видела.

— И не надо, — легко согласилась Тай. — Говорят, если ректор запомнил тебя в лицо — это уже наполовину отчисление. А отчисленных тут в стены замуровывают. Я сама слышала. Ты ешь, ешь. Худая, как список ваш.

Дальше Тай рассказывала: про плац, про старших, которые всё врут, про соседку, которая привезла из дома подушку и рыдает, потому что казённая набита, по её словам, щебнем. Айра ела, слушала вполуха и с удивлением обнаруживала, что ей удобно. Гвалт вокруг, горячее в миске, жаркий человек напротив — и цена всему этому объявлена заранее, смешная.

Подозрительно много удачи для одного дня. По уму, за такой день положено где-то приплатить.

— Увидимся на завтраке, — распорядилась Тай, когда миски опустели. — Занять тебе место? Займу. Места тебе надо мало, мне не трудно.

* * *

Обратную дорогу — два поворота, галерея, арка перехода — Айра прошла уже как свою, не считая. Корпус к ночи затихал слоями, как остывает печь: сперва голоса, потом двери, потом чужие шаги. Остались только лампы, голубоватые, через одну.

Лампы над аркой перехода почти не горели.

Айра успела подумать, что это, наверное, экономия, что край коридора — кому его освещать... и додумывала уже медленно, потому что вспомнила, где сегодня видела свет, которому лень.

В арке стоял человек. Неподвижно, руки за спиной. Он сливался с темнотой в одно пятно — только глаза, когда она подошла ближе, взяли на себя весь оставшийся свет. Светлые. До белизны.

Семь лет не опаздывал, не ошибался и не радовался.

И лично встречает первокурсниц в тёмных переходах. Понятно, почему у него с радостью не задалось.

Бежать было некуда, да и незачем: она шла к себе в крыло и имела на это полное право. Непривычное ощущение. Могло бы даже понравиться — в другой раз.

Айра сбавила шаг до скучного и приготовилась пройти мимо с почтительным кивком.

— Адептка Сол.

Голос был под стать глазам: выверенный, без единой лишней ноты. Не оклик. Констатация.

Запомнил в лицо. Выходит, уже наполовину отчислена. Быстро тут у них.

Айра остановилась. Кивнула: почтительно, пресно, в самый раз.

— Документы.

Не «покажите документы». Не «будьте любезны». Одно слово. Ему, судя по тону, ещё никто никогда не отказывал.

Она достала из-за пазухи бумаги Ренна, всю пачку, и протянула, глядя чуть мимо его подбородка. Рука не дрогнула. Руке она это ещё днём запретила, у чаши, и запрет пока держался.

Читал он неторопливо. Так читают знакомую бумагу: не узнавая — сверяя. Эту манеру Айра знала по скупщикам, и легче от узнавания не стало. Пахло от него грозой: она чувала это с трёх шагов, сквозь стылый дух камня. Свежей грозой, какая бывает перед самым ливнем. В сухой вечер. Под крышей.

Не принохивайся. Стой скучно.

— Средний дом Сол, — сказал он, не поднимая глаз.

— Да.

— Столица?

— Семья на выезде.

— Давно?

— Давно.

Каждый ответ она клала, как монету на прилавок: без стука и без звона. Скучные вопросы, скучные ответы — так и было задумано, на том и строилась вся её легенда: серая, гладкая, не за что зацепить. Он и не цеплялся. Он сложил бумаги точно по старым сгибам и вернул ей.

— С завтрашнего дня вам назначается дисциплинарный резерв.

Айра взяла бумаги. Убрала за пазуху. Выждала положенный такт.

— ...Что такое дисциплинарный резерв?

— Пункт сорок третий устава.

Пауза у него была короткая, отмеренная, как всё остальное.

— Вы не читали правила, которые вам выдали с вызовом?

Вот теперь — зацепил.

Правил в бумагах Ренна не было. Она знала это точно: перечитала на крыше всё до листка, трижды, до водяных разводов. Вызов был. Правил — не было. Дорожек отсюда вело три. Сказать «читала» — получить вопрос по содержанию. Сказать «не выдали» — обвинить казённую бумагу в недостатке, а такого казённая бумага не прощает. Сказать...

Рот открылся сам и выбрал четвёртую.

— Их съела собака.

Стало очень тихо. В дальнем конце галереи потрескивала лампа. Раньше Айра её не слышала.

Он смотрел. Смотрел. Смотрел.

Лицо его не изменилось ни на волос — и всё же где-то за этим лицом, глубоко, как монета на дне колодца, что-то блеснуло и погасло. Возможно, ей показалось. Она решила, что показалось: так было удобнее.

— За что? — спросила она наконец. Тихо и честно, безо всякой легенды, по-человечески.

— Не «за что», адептка. — Он уже поворачивался, и темнота арки принимала его обратно, как своего. — «Для чего».

Два шага — и его не стало.

— Семь утра, — сказал он откуда-то из темноты. Без угрозы. Как ставят печать.

Только запах грозы ещё держался под сводом, доживая своё.

Айра постояла. Потом привалилась плечом к холодному камню и обнаружила, что ладони мокрые — обе. Вытерла их о новую форму.

Съела собака. Съела собака! СЪЕЛА СОБАКА! Блестяще, Айра. Просто блестяще. Если что, можешь повеситься во дворе, на одном из деревьев.

Хуже глупости было другое, и это другое она понимала тем яснее, чем дольше стояла. Резерв он принёс с собой — готовый, решённый, с пунктом устава наперевес. До всякой собаки. За собаку она бы поняла: соврала — плати.

За что — он не ответил. Он только поменял ей вопрос.

Для чего.

Знак под рубашкой прикинулся простой железкой. Молодец. Так держать. Оба прикинемся.

Айра оттолкнулась от стены и пошла к крылу мерным шагом, не торопясь, на случай, если темнота ещё смотрит.

— Семь утра, господин ректор, — сообщила она пустой арке. — Не опаздывайте.

Глава 5. Резерв

Проснулась Айра затемно, до всякого колокола, — по привычке, которую не отменишь одним указом. На улице кто спит крепко, тот однажды просыпается без сапог. Сапоги стояли, где поставила. Всё остальное тоже: стол, табурет, замок, тепло. Она полежала немного, привыкая к неслыханному — можно было не вскакивать.

Потом вспомнила, что нельзя, и утро сразу стало обыкновенным.

Умылась над тазом, влезла в форму. Неподшитый «мал» сидел на ней, как мешок на жерди, — рукава пришлось подвернуть в два оборота. Знак — под ворот. Бумаги Ренна — за пазуху, все до листка: комната комнатой, замок замком, а привычка надёжнее тайника. Три зимы носишь всё своё на себе — с одного казённого одеяла не переучишься.

Оставался пустяк: ректор назначил ей некий дисциплинарный резерв — и не назначил где.

Айра решила задачку по-уличному. Где тебе назначили, туда и приходи: назначали в арке. Заодно и проверим, статуя он там или всё-таки ходит спать.

Крыло спало. Коридоры стояли пустые, серые, утренние — камень ещё не согрелся, и холод из него тянул сквозь сукно, как сквозняк из-под двери. Собственные шаги были слышны до неприличия. Где-то очень далеко, за поворотами и лестницами, пахло хлебом — печи столовой работали с ночи, и запах шёл по пустым коридорам без всякой жалости к голодным. Айра задрала подбородок и пошла быстрее.

Лампы над аркой горели как ни в чём не бывало — в полную силу.

Ага. Значит, его тут нет.

Открытие тянуло на учёное: свет при ректоре линяет — было проверено уже дважды, в зале и вчера вечером. Работает лампа — гуляй спокойно. Такому в академиях, поди, не учат. А зря. Полезнее половины наук.

Где-то наверху, добросовестно и с чувством, колокол отбил семь раз.

Арка была пуста. Совсем. Айра стояла посреди неё, под исправными лампами, одна, как дура с сумкой посреди дороги, — и с каждым ударом колокола понимала это всё отчётливее.

У неё, между прочим, была заготовлена реплика. Со вчерашнего вечера лежала, тёплая: «Семь утра, господин ректор. Как договаривались». Реплика пропадала зря, и это злило едва ли не сильнее всего остального.

Из бокового коридора, шурша бумагами, выкатился человечек в сером — из того вылинявшего серебра, которое она уже научилась узнавать. Выкатился, увидел её и ничуть не удивился.

— Адептка Сол?

— Да.

— Вы опаздываете.

— Куда?

— В канцелярию.

Айра сосчитала про себя до двух. На большее времени не было.

— Мне не сказали, куда являться.

— Вам и не должны были. Место отбытия определяет канцелярия.

— А канцелярия определила?

— Определила. Вчера.

— А я?

— А вы опаздываете, — сказал человечек без всякого злорадства, тем тоном, каким сообщают погоду. И засеменял обратно, уверенный, что она пойдёт следом.

Она пошла. Спорить с бумагой Айра уже пробовала — вчера, в этой самой арке. Бумага выиграла всухую.

И ведь сама же вчера бросила ему вслед: «Не опаздывайте». Умница. Напророчила себе.

* * *

Канцелярия обнаружилась на первом этаже, в боковом коридоре за холлом, — и на двери у неё висела табличка. Настоящая, медная, начищенная: «КАНЦЕЛЯРИЯ». Айра мимоходом оценила: за два дня это была первая дверь во всей академии, которая созналась, что она такое. Крыло Тени — без вывески, ворота — без вывески, столовая — без вывески, ректор — без вывески. А эти — пожалуйста, медью по дереву.

Внутри пахло чернилами, сургучом и старой пылью — так пахнут все места, где решаются судьбы, от суда до ломбарда. Вдоль стен тянулись полки с томами: корешок к корешку, тесно и чинно, как зубы у богатых. Выходы Айра сочла с порога, по привычке: дверь за спиной да служебная дверца за конторкой. Небогато. За конторкой сидел сухой человек в сером, в нарукавниках, и писал. На неё он посмотрел один раз — коротко, как ставят точку.

— Адептка Сол. Явка.

Он достал из-под конторки журнал. Не с полки — из ящика. Журнал был новенький: переплёт хрустнул, открываясь, тем особенным хрустом, каким хрустят только нетронутые вещи. Этот звук Айра знала по чужим шкатулкам и уважала.

На первом листе, поверх граф, стояло казённым почерком: «Журнал дисциплинарного резерва». Ниже шли графы: явка, убытие, подпись. Первая строка была уже надписана: «Сол Ренн, адептка, первый курс, Тень».

Человек в нарукавниках поднял глаза на часы над конторкой — медные, с маятником, идущие с какой-то мстительной точностью — и вписал в графу «явка»: «7:06».

Шесть минут. Ей вписали шесть минут — чернилами, в книгу, навсегда. Айра смотрела, как сохнут цифры. Будто ей при всех записали в бумаги кривой нос.

— Распишитесь.

Перо у него было тяжёлое, чужое, писало жирно. Роспись «Сол» Айра выдумала вчера, на ходу, под ведомость куратора, — и теперь пришлось вспоминать собственную выдумку, изгиб за изгибом. Смешное дело: врать она умела с разбегу, а вот повторять своё враньё по памяти — это уже работа. Роспись вышла похожая. Во всяком случае, насколько Айра сама помнила (а она не помнила). Она отдала перо и позволила себе выдохнуть — внутри, где не видно.

— Что мне делать?

— Состоять.

— Где?

— Здесь. — Человек кивнул на табурет у стены, гладкий, отполированный до блеска чужими бедами. — До восьми.

— В чём состоять-то?

— В распоряжении.

И он вернулся к своим бумагам, ясно давая понять, что разговор окончен, не начавшись.

Айра села. Табурет был твёрдый, стена холодная, а на конторке, рядом с чернильницей, стояли песочные часы — толстенькие, на полчаса. Канцелярист перевернул их, не отрываясь от письма, и песок пошёл.

Так начался самый длинный час её жизни.

Ничего не происходило. Совсем ничего, никак, нигде. Канцелярист писал — перо шло со скрипом, мерно, страница за страницей. Айра сначала сидела скучно, как полагается. Потом сосчитала полки. Потом тома на средней — сорок один. Потом прикинула его выработку: строк тридцать в четверть часа, почерк чистый, без единой помарки.

Хороший почерк. На подделку такого у меня ушла бы неделя. Недели, к слову, теперь есть. Спасибо заботливому начальству.

Одно происшествие за весь час всё же случилось. Из служебной дверцы, никого не таясь, вышел нтар — деловитым шагом младшего писаря, у которого поручений больше, чем утра, — прошёл вдоль конторки, взял с края палочку сургуча и направился обратно.

— Одну, — произнёс канцелярист, не поднимая головы и не переставая писать.

Нтар, уже прихвативший вторую, положил её на место. И удалился с достоинством служащего, получившего законное довольствие.

Айра проводила его глазами до самой дверцы. Канцелярист писал. Песок сыпался. Спрашивать она ничего не стала: во-первых, не у кого, во-вторых — а что тут спросишь. Сургуч выдают по одному. Порядок.

Где-то на середине песка до неё дошло, в чём состоит наказание.

Ни работы. Ни розог. Ни нотаций. Сиди на табурете и сходи. Час — с семи до восьми. Она погоняла эти цифры в голове туда-сюда, и они каждый раз складывались в одно и то же: с семи до восьми в этой академии кормят завтраком.

Он её не отчислил и не запер. Он отобрал у неё завтрак — вежливо, по пункту устава, с росписью в журнале.

Понятно, почему тебя никто не видел злым, господин ректор. Тебе незачем.

Есть хотелось уже всерьёз, с холодком под ложечкой. Айра выпрямила спину и стала думать о другом — этому улица тоже учит: о еде думают за столом, остальное время думают о деле.

Дело сидело напротив и скрипело пером.

Она ещё раз, теперь уже с толком, оглядела полки. Тома стояли семьями: «Прошения», год такой-то, — десятка полтора корешков, тёртых, захватанных. «Ведомости» — целая стена. «Входящие». У каждой книги были братья, полка и место. Её журнал, необмятый, чистый, канцелярист держал в ящике, отдельно ото всех. Сирота, а не журнал.

Выходило одно из двух. Либо дисциплинарного резерва тут не случилось так давно, что старые журналы успели списать и забыть. Либо его не случилось никогда, и книгу завели вчера — под неё, по мерке, как шьют мешок под покойника.

Оба варианта ей не нравились. Второй — как-то особенно.

Песок иссяк. Канцелярист, не глядя, пустил его по новой — такое за годы службы въедается в руку. Айра проводила песок глазами.

Колокол наверху ударил восемь. Канцелярист, не поднимая головы, развернул журнал к ней и подвинул перо:

— Убытие.

Она расписалась — уже увереннее, роспись запоминалась.

— Явка к семи, — сказал он в бумаги. — Ежедневно.

— Я запомнила.

— Все так говорят.

Айра открыла рот — спросить, кто это «все», если журнал у него новёхонький, только из ящика, — и закрыла обратно. Вопросы тут, как известно, запрещены. Да и человек с таким почерком просто так ничего не говорит.

* * *

В столовой ещё стоял гул, но уже на излёте, расходящийся: миски составляли в стопки, скамьи пустели, у раздачи никто не толкался. Айра взяла миску и заглянула в котёл.

В котле было дно. Чистое, гладкое, добросовестно выскобленное дно — на него любовались, надо думать, все опоздавшие этой академии за последние триста лет.

Полка, где вчера горой лежал хлеб, была пуста. «К концу разбирают. Я проверила. Дважды» — Тай не соврала ни в одной букве. Наука подтверждалась, наука работала. Есть от этого хотелось только сильнее.

— Ты! — рявкнули сзади так, что качнулись миски. — Ты не пришла!

Тай сидела за столом Тени, среди аккуратно составленных пустых мисок — двух, если быть точной, — и смотрела на Айру со смесью облегчения и обвинения.

— Я заняла тебе место. Вот тут. Я его держала. Восемнадцать минут держала, у меня чуть локоть не отсох. Потом я поняла, что ты не придёшь, и съела твою овсянку. Чтобы место не пропадало совсем уж зря.

— Логично, — оценила Айра.

— Я знала, что ты поймёшь! — просияла Тай и тут же посерьёзнела. — Где ты была? Только не ври. Ты бледная и злая, а завтрак тут не пропускают живые люди.

— В резерве.

— Где?

— Дисциплинарный резерв. Пункт сорок третий.

Тай молчала целых три секунды. Айра успела оценить: это, надо полагать, был её личный рекорд.

— Не знаю такого, — выговорила Тай наконец. С трудом выговорила, как признаются в долгах.

— Чего не знаешь?

— Такого слова. А я тут уже всё знаю, между прочим. Два дня собирала: где плац, где кухня, кто с кем, из-за чего дерутся вторые курсы и почему нельзя трогать белые деревья. Резерва — нет. Нигде. Ни у кого. — Она сощурилась, вертикальные зрачки сузились в две чёрточки. — Ты уверена, что он существует?

— Я расписалась. Дважды.

— Значит, существует, — с уважением признала Тай: против бумаги не попрёшь. Она побарабанила пальцами по столу — под ногтями на миг мелькнула оранжевая искорка — и Айра увидела, как в ней разгорается охотничий азарт. — Я узнаю. К ужину буду знать всё... нет. К обеду.

— Есть хлеб, — сказали сбоку.

Тевр стоял у стола со своей сумкой через плечо и разворачивал чистую тряпицу. В тряпице лежал ломоть — серый, утренний, честно взятый в свой час, когда хлеб на полке ещё водился.

Айра посмотрела на ломоть. Ломоть был прекрасен. Именно поэтому она сразу насторожилась.

— Почём?

— Да ни почём. — Тевр подвинул тряпицу ближе. — Бери. У меня лишний.

Лишнего хлеба не бывает. Бывает хлеб, за который потом попросят вдвое, — это Айра знала твёрже многого, чему её пытались научить. Кто даёт даром, тот либо чего-то хочет, либо чего-то ещё не сказал. А то и просто дурак. Но дураки до её угла с хлебом обыкновенно не добредали.

— В долг, стало быть. — Брать она не спешила. — Так и говори: в долг. Сколько потом вернуть?

Тевр глянул на неё с лёгким недоумением — как глядят на человека, который в подарке ищет ценник.

— Ничего не вернуть. Просто хлеб.

— Просто так хлеб не дают.

— Ну не знаю, — подумав, ответил он. — Я вот даю.

Крыть было нечем, а хлеб остывал. Айра взяла. Быстро, пока предлагают. Ломоть лёг на ладонь тёплый, пахнувший утренней печью, — радоваться бы, а радости не было. Было неловко, как в пальто с чужого плеча.

— Буду должна, — уточнила она. Для порядка. Чтоб хоть у неё в голове всё сошлось по-честному.

— Не будешь, — легко отозвался Тевр и сел рядом.

Должна всё равно, решила Айра про себя. Так спокойнее.

— А меня почему никто хлебом не кормит? — спросила Тай у мироздания.

Мироздание промолчало. Тевр — тоже, но развернул тряпицу и к ней.

* * *

К полудню на тёмной доске в холле, где вчера висели списки, появились расписания. Клинку — лист, убористый, в две колонки: плац, зал, снова плац. Архиву — лист. Тени — гвоздь.

Просто гвоздь. Хороший, крепкий, вбитый на совесть гвоздь, на котором ничего не висело.

Ну хоть гвоздь дали. Уже хозяйство.

В обед Айра наверстала своё: густые мясные щи да ломоть серого хлеба — всё горячее, всё взаправду, и она ела не спеша, со вкусом, назло всем пунктам всех уставов. Тай приземлилась напротив с грохотом и торжеством.

— Никто, — объявила она шёпотом, который слышали три стола. — Я спросила восьмь-рых старших. Двое даже соврали, что у них на курсе такое было, — я их поймала, они путались в показаниях. Ты понимаешь, что это значит?

— Что устав никто не читал?

— Что ты — единственная! — Тай сияла и глядела на неё, как на выигрышный билет. — Первый резерв на живой памяти. Я очень, очень удачно в тебя вложилась.

В дальнем конце стола одновременно поднялись близнецы.

Просто встали — разом, как один человек в двух экземплярах, — и пошли к выходу, не оглядываясь и никого не зовя. Тихая девушка с косой посмотрела им вслед, потом на Айру. Длинный парень — тоже. Тевр уже вставал.

Ах вот как в Тени выдают расписание. Никак. Кому надо — тем рассказали дома.

Полезная, должно быть, вещь — дом, где рассказывают. Ладно. За неимением дома у неё были близнецы.

Догнали их уже на лестнице — та вела вниз, в ту часть Корпуса, где Айра ещё не бывала: коридор без окон, потолок ниже, лампы реже. У двери — тёмной, гладкой, без ручки — близнецы остановились, и все остановились за ними.

Ручки не было вовсе. Даже дырки от ручки не было.

Дверь подождала, пока они переглянутся, и открылась сама — внутрь, беззвучно, как дверям не положено уметь.

* * *

Комната была невелика: круглый стол, стулья, одна лампа над столом — тусклая, и тени от неё стояли по стенам плотнее, чем положено теням. Потолок — низкий: длинный парень пригнулся в дверях и так до конца и не выпрямился. Пахло сухим — пылью, старой бумагой и травяной трухой, выдохшейся, как в аптеке, где давно всё продали. Выход отсюда был один — тот самый, без ручки. Айра отметила это привычно и без всякого удовольствия.

За столом сидела декан.

Никто не видел, как она вошла, — потому что она не входила: они входили к ней. Айра мимоходом оценила и это. Вчерашний фокус с исчезновением был, выходит, разминкой.

Стульев вокруг стола было семь. Айра пересчитала — привычка. Их шестеро, седьмая — декан... сходится. Впервые за этот день в мире что-то сошлось без обмана.

Расселись тихо. На столе не было ничего — ни бумаги, ни перьев, ни книг. Голое дерево, старое, тёмное, с чужими царапинами.

— Записывать не будете, — сказала декан вместо приветствия. Негромко, всем сразу. — Бумага запоминает не то, что нужно, и не тем, кому нужно.

Она обвела их взглядом — по кругу, по одному, не торопясь. Лицо её по-прежнему утекало из памяти, как вода из горсти: Айра держала, держала — и не удержала.

— Вы храпите, — начала декан с длинного парня. — Работаем над этим.

Парень побагровел так, что стало слышно. Кто-то — кажется, Тевр — издал короткий звук, задушенный в зародыше. То ли смешок, то ли дожёвывал хлеб.

— Вы не разобрали сумку, — это уже девушке с косой. — Разберите. Вы остаётесь.

Девушка вцепилась пальцами в собственные локти. Потом, по одному пальцу, отпустила. Что такое «вы остаётесь», Айра не поняла — а вот девушка, судя по лицу, поняла очень хорошо, и это было ей зачем-то очень нужно.

— Вы поменялись комнатами, — взгляд декана перешёл на близнецов. — Вернитесь каждый в свою.

Близнецы переглянулись — впервые на людях, коротким собственным взглядом, в котором было столько же удивления, сколько у обычных людей в крике. Меняться комнатами запрещалось. Они поменялись — и уличить их не мог никто: одинаково серые, одинаково тихие, они путали любого, кто брался их различать. Никто — кроме этой женщины с текучим лицом.

— Вы простучали стену, — сказала декан Тевру. — Три раза. Стены в крыле глухие, простенков нет.

Тевр открыл рот. Закрыл. Веснушки его побледнели, что при веснушках непросто.

Айра сидела со скучным лицом и считала. По факту на голову — как раздача. Считалка внутри шла холодная, быстрая: что у них есть на неё? Замок? Она перебрала вчерашний вечер по минутам и — боги всемилостивые — она же разговаривала. Вслух. С замком. Со Знаком. С пустой аркой, в полный голос, любезничала с ректором, которого там не было...

Взгляд декана дошёл до неё и остановился.

Пауза вышла длиннее, чем у всех. На полсекунды — но Айра мерила чужие паузы всю жизнь и цену этой полсекунде знала.

— Вы запираете дверь, — сказала декан. — Шесть раз.

Тишина. Тевр покосился — самым краем глаза, честно стараясь не поворачивать головы.

— Похвально, — закончила декан.

И всё. Взгляд ушёл дальше, к середине стола, и оставил её сидеть — снаружи пресную, внутри так и не улёгшуюся, — про замок, значит, слышали, а про остальное либо нет, либо приберегли. Она аккуратно, по одному пальцу, как та девушка с косой, отпустила край сиденья.

С разговорами вслух покончено. Со вчерашнего дня. То есть с сегодняшнего.

— Занятия факультета — здесь. — Декан поднялась. Двигалась она так, что скрипнуть стулу просто не приходило в голову. — В этот час. Об остальных занятиях узнаете из общего расписания, когда оно вас найдёт. До завтра у вас одна задача: понять, откуда я знаю то, что знаю. Кто поймёт — молчите.

Она дошла до двери, и дверь открылась перед ней сама, заранее, с готовностью хорошо вышколенной прислуги.

— Вопросы?

Шестеро молчали. Молчали правильно, старательно, всеми шестью ртами.

— Быстро учитесь, — отметила декан: не одобрение, просто факт, — и вышла. В дверь. Ногами, как обычный человек.

* * *

Вечером, у себя, Айра заперла дверь. Один раз. Ключ в её пальцах повернулся и замер, соблазняя, — она отпустила его и отошла от двери подальше.

Похвально ей, видите ли.

Села на кровать, достала из-за пазухи пачку и стала пересчитывать — не бумаги даже, а своё: ритуал конца дня, старый, как сам её промысел. Вчера, со всей этой собакой, ритуал позорно сорвался — сегодня она навёрстывала за два дня. Бечёвка. Вызов с водяным разводом. Бумаги средней важности, читанные на крыше трижды, до дыр в памяти. Бирка...

Пальцы споткнулись.

Лист был лишний.

Она поняла это раньше, чем увидела: не тот счёт, не та толщина. Пачку она знала на ощупь, до листка, — и пачка перестала сходиться. Айра вытянула чужака двумя пальцами, как вытягивают карту из колоды шулера. Бумага плотная, белее остальных, сгиб свежий, жёсткий, и сложен он был не по её складкам: у всей пачки сгибы жили давно и одинаково, а этот стоял поперёк, углом, по-своему.

Наверху листа шло крупно, важно:

«ПРАВИЛА ДЛЯ ПРИБЫВАЮЩИХ. Выдержка из Устава Архонтии».

Айра сидела не шевелясь довольно долго. Потом придвинула огарок, зажгла и стала читать — медленно, ведя пальцем.

Пункты шли мелко, в два столбца. Про Знак — носить при себе. Про магию — вне отведённых мест не сметь. Про чужие корпуса, про берег, про «после двадцати двух». Палец полз вниз, вниз, вниз — и упёрся.

«Пункт 43. О дисциплинарном резерве. Адепт, чьё пребывание в Академии сочтено требующим особого наблюдения, поступает в дисциплинарный резерв. Время и место отбытия определяет канцелярия. Продолжительность определяет ректор. Обжалованию не подлежит.»

И ниже, в самом низу листа, мелким-мелким, последней строкой:

«Полный текст Устава предоставляется канцелярией по письменному запросу.»

Айра прочла пункт сорок третий ещё раз. Потом ещё, по словам, как пересчитывают сдачу за нечестным торговцем.

Не «провинившийся». Не «нарушивший порядок». *Требующим особого наблюдения.*

Он ей даже не соврал. Вот что было самое немыслимое: он ей ни разу не соврал. «Не за что, а для чего» — пожалуйста, вот оно, для чего, чёрным по белому, пункт сорок третий, читай — не хочу.

А лист... Лист попал в пачку не сам. Пачка была при ней неотлучно — за пазухой, у сердца, как положено. Из чужих рук она отдавала её один-единственный раз.

Вчера. В арке. Человеку, который читал её бумаги неторопливо, как знакомые, а потом сложил — точно по старым сгибам. По старым, ага. Все, кроме одного.

Айра медленно откинулась к стене.

Вчера, стоя перед ним, она перебирала дорожки: сказать «читала» — поймает на содержании. Сказать «не выдали» — обвинишь казённую бумагу, а бумага не прощает. Она-то думала, что выбирает. А правила уже лежали у неё за пазухой, подложенные: скажи она «не выдали» — и ей бы предложили проверить. При нём. Своими руками.

Все дорожки вели в один капкан. Все, кроме собаки.

Собаку он не предусмотрел.

Айра позволила себе улыбнуться.

Не ожидал ты этого, да?

Ладно. Расклад на столе, и он честнее, чем казалось: её посадили на виду — вежливо, по уставу, с пером и журналом. Ректор подарил ей час в канцелярии. Каждое утро. Среди полок, ведомостей и человека с прекрасным почерком, который на письменный запрос обязан выдать весь устав целиком — сколько бы там ни оказалось страниц, весь их бумажный арсенал.

Она задула огарок и легла, закинув руки за голову.

Письменный запрос, значит. А перо у вас там, я видела, хорошее.

Глава 6. Прошение

Во второе утро всё было проще. Айра встала до колокола, оделась без спешки и явилась в канцелярию без двух минут семь — по коридорам, которые уже знала, мимо арки, где никто не стоял.

— Явка, — сказал канцелярист и поднял глаза на часы.

В графу легло: «6:58». Айра проследила, как сохнут цифры, и осталась довольна, как бывала довольна разве что чужим кошельком. Вчерашние «7:06» эти две минуты, конечно, не отменяли — бумага не прощает и не забывает, — но теперь в журнале было видно: она учится быстро.

— Распишитесь.

Роспись вышла сама, без подглядывания в память: чужое имя обживалось в руке.

Айра отдала перо, но от конторки не отошла.

— Мне нужен полный устав. Там внизу написано: предоставляется по письменному запросу. Вот я. Запрашиваю.

— Письменно.

— Дайте бумагу.

Он посмотрел на неё второй раз за два дня — целых пол-удара сердца, неслыханная щедрость — и выдвинул длинный ящик. В ящике, стопка к стопке, лежали бланки. Много. Разные. У каждого в углу стоял номер, как клеймо на скотине.

— Форма четырнадцать, — он выложил перед ней лист. — Прошение о выдаче документов. Заполнять разборчиво. Помарки не допускаются.

Ага. То есть у них тут заранее напечатана бумага для тех, кто хочет попросить другую бумагу. Хозяйство поставлено на широкую ногу.

Писала Айра так же, как читала, — медленно и на совесть. Буквы у неё выходили как забор после бури: вкривь, зато честно. «Прошу выдать полный текст Устава Архонтии» — на этой строке она застряла дважды. Первый раз — на «выдать»: так и подмывало написать «отдать», а разница между этими словами была ей известна профессионально. Второй — на слове, которым кончалась приписка мелким шрифтом.

— Как пишется «предоставление»? — спросила она, не поднимая головы.

— Пре. До. Став. Ле. Ни. Е, — продиктовал канцелярист, не отрываясь от своего письма и не удивившись ни на волос.

Так они и работали какое-то время — два пера, его беглое и её спотыкливое, скрип в два голоса. Со стороны, надо думать, выходило даже трогательно.

Внизу бланка она поставила роспись — вторую за утро — и подвинула лист через конторку. Канцелярист прочёл. Прочёл ещё раз. Взял штемпель, приложил к углу и вывел номер — мелко, чисто.

— Рассмотрение — в порядке поступления.

— А много поступило?

— Ваше — первое.

Он не уточнил, за какой срок оно первое, а Айра не стала спрашивать. Вопросы тут были не в чести, а ответы этот человек выдавал, как хлеб на раздаче: по ломтю, и не в её час.

Остаток резерва она просидела на табурете, глядя, как её прошение лежит на краю конторки — отдельно от прочих бумаг, наособицу. Первым в очереди, где никого больше не было. К бланку она испытывала что-то вроде родственного чувства.

* * *

В столовую она пришла, как ей теперь полагалось, — к чистым котлам. Но на столе Тени ждала миска, накрытая второй миской, а над ней — Тай, с локтем наготове.

— Отвоевала, — сообщила она. — У раздачи и у одного нахала. Вчерашняя ошибка учтена: место без миски не занимаю.

Толокно было уже не горячее, но тёплое, и Айра съела его всё, с хлебом, назло всем здешним цифрам. Долг рос — она заносила это в счёт привычно, как заносила теперь всё, — но хуже оно от этого не становилось.

Там же, за столом, Тень наконец нашла общее расписание. Вернее — длинный парень из шестёрки молча выложил на стол лист: казённый, с печатью, сложенный вчетверо совсем не по-казённому. «История. К девяти. Большая аудитория. Все», — прочёл он и подвинул лист на середину, чтобы видели остальные.

Почерк Айра узнала с одного взгляда: чистый, без единой пометки, тридцать строк в четверть часа. Лист был из канцелярии. Из той самой канцелярии, где она сидела каждое утро. Расписание Тени, стало быть, существовало — его просто никто не собирался вешать: хочешь — добудь. Она провела рядом с этим листом два часа за два дня и ни разу не подумала посмотреть.

Позорище, Айра.

До этого утра парень числился у неё просто «длинным». Человек, уносящий лист из-под носа канцелярии, заслуживал имени — и имя нашлось само, из переключки Отта: Юст. Память у Айры хранила всё. Она просто выдавала по заслугам.

Откуда Юст его взял, никто не спросил. Во-первых, Тень не спрашивает. Во-вторых, вопросы запрещены — хотя это, наверное, касалось только Отта. А в-третьих, всё и так было ясно: «когда оно вас найдёт» у Тени означало «когда кто-нибудь из вас его добудет».

«Все» — по-видимому, значило: три факультета разом, в одном зале. У красных и серых История с самого утра висела на доске, по-людски. Тени — гвоздь и самообслуживание. В принципе могли бы и догадаться, поглядев чужие расписания...

Но лёгкие пути — это определённо не про них.

Большая аудитория оказалась залом на пол-Корпуса: скамьи поднимались кругами, одна над другой, высокие окна, кафедра внизу — тёмного дерева, потёртая локтями поколений нерадивых учеников. Первокурсников согнали всех разом, и они расселись, как в столовой, по цветам: красные — широко и шумно, серые — тесно и с приборами, Тень — врозь, поодиночке, на задних рядах. Айра выбрала место с краю, спиной к стене, с видом на обе двери. Место было хорошее. Такие места она выбирала всю жизнь — правда, раньше за них не полагалось учёбы.

У всех вокруг были перья, чернильницы, бумага. У серых — по две чернильницы, тетради в переплётах и какие-то линейки с делениями, о назначении которых Айра могла только гадать по цене. У Тени не было ничего. Шестёрка сидела с пустыми руками, и на неё косились.

С красных рядов, над головами, широко, как сигналият тонущему, замахала Тай. Айра кивнула — скупое, как, должно быть, полагалось студентам Тени. Тай, однако, то ли не заметила, то ли не удовлетворилась реакцией.

— Эй! Ренн! Я тут! Эй!

Айра прикусила губу и кивнула чуть менее скупое. В этот раз Тай заметила. Ну или её просто усадили на место соседи по факультету. Так или иначе, она растворилась в толпе учеников в красном.

А к Айре наклонился Тевр, явно озадаченный тем, что им шестерым не выдали никаких принадлежностей для письма:

— А нам точно ничего не надо записывать?

— Нам нельзя записывать.

— А почему?

— А вопросы нам тоже нельзя, — напомнила Айра, и Тевр кивнул с облегчением: наконец-то ему объяснили правила.

Лектор вошёл без колокола — высокий, сухой, старый той опрятной старостью, которая не горбится, а высыхает. Светлые длинные волосы. Лицо и уши в старческих морщинах, глаза цвета разбавленного чая. За ним, не торопясь и никого не спрашивая, вошла давешняя пегая кошка, поднялась на кафедру и легла с краю, мордой к залу.

— Меня зовут лектор Эйн, — сказал старик голосом, каким наливают тёплое молоко. — Мы с вами будем заниматься историей. Историей Совета, историей рас и историей того, почему всё устроено так, как устроено, а не так, как некоторым хотелось бы. Начнём с начала.

И начал. С самого начала — такого далёкого, что у Айры заслезились глаза от одних только дат.

Говорил он мягко, гладко, без единого острого угла, и слова его действовали, как то самое тёплое молоко на ночь. К середине первого часа треть Кlinkа спала в открытую, головами на скамьях. Архив спал сидя, с прямыми спинами и открытыми глазами, — выучка, которой Айра восхитилась. Кошка на кафедре спала откровеннее всех, всеми четырьмя лапами кверху, и была единственной в зале, кто не притворялся, что слушает.

Тень не спала. Тень смотрела. Спать при чужих — привычка, которой ни у кого из шестёрки, похоже, не водилось.

Айра слушала вполуха, по-рыночному: гул отдельно, дело отдельно. Совет правит полтора века. До Совета был беспорядок, и беспорядок этот в приличном обществе поминать не принято. Дома стоят по старшинству крови, кровь считается по Знакам, Знаки ведёт Реестр. В год после Большого изъятия был утверждён нынешний порядок испытаний...

Про Большое изъятие лектор сказал тем же голосом, что и про порядок испытаний, — прошёл, не запнувшись, как проходят по мосту, о котором знают, что он выдержит. Никто в зале не спросил, что это было. Айра отметила это особо: сотня человек из лучших домов страны — и ни одна рука не поднялась. В нижнем городе про изъятие она слышала дважды за всю жизнь, оба раза шёпотом и оба раза от пьяных. Здесь, наверху, про него, выходит, тоже говорили шёпотом. Только шёпот у них был учёный: вслух, с кафедр, и мимо.

— ...природа же Знака, — тёк дальше сонный голос, — такова, что подделывать его невозможно, а передать — невозможно. Знак прирастает к крови носителя. Он признаёт одну кровь и служит одной крови. Снять чужой Знак — всё равно что снять с человека его собственное сердце: сколько ни тяни, в руках останется только цепочка.

Почти то же говорили в подворотнях — с оглядкой и вполголоса, только вместо сердца там было имя. Наука и подворотня редко сходятся во мнениях, а тут, гляди-ка, спелись. Наука разве что вышла кровожаднее.

Айра сидела очень спокойно. Спиной к стене, лицом к двум дверям, руки на коленях. Скудное лицо, полусонные глаза — как у всех.

Под воротом, на груди, лежал Знак, который снялся с мёртвой шеи сам. Легко. Как «здравствуйте».

Вот тебе и наука.

Выходило одно из двух — она уже привыкла, что здесь всё выходит одно из двух. Либо почтенный лектор ошибался, и тогда грош цена всей их истории с датами. Либо он говорил правду — и тогда ошибалась она. Тогда в переулке за красильней случилось что-то, чему в тёплом молоке этой лекции места не было. Что-то невозможное. И это невозможное висело сейчас у неё на шее, тёплое от её тепла.

Знак молчал — притворялся ветошью, как договаривались.

Ты-то знаешь, как ты снялся, — сказала она ему без слов. — Знаешь и молчишь.

— ...о чём нам красноречиво свидетельствует хроника Второго передела, — сообщил лектор Эйн, и Айра вернулась в зал, где ничего не изменилось: спали красные, сидели серые, кошка на кафедре перевернулась на другой бок.

С заднего ряда красной секции подняли руку. Парень — крупный, со сбитыми костяшками — спросил, правда ли, что на севере до сих пор находят тех, у кого кровь не по Реестру, и что с ними тогда делают.

Зал просыпался неравномерно: там уже гудели, тут ещё клевали носом.

Лектор Эйн улыбнулся доброй улыбкой очень старого человека, которому задали любимый вопрос.

— Прекрасный вопрос, юноша. Он делает честь вашей любознательности и вашему чтению на ночь. — И дальше, три полных минуты, он отвечал: про строгость Реестра, про мудрость учёта, про то, что порядок — как хорошая кровля, которую не замечаешь, пока она есть. Говорил гладко, тепло и охотно.

Когда он закончил, Айра добросовестно попыталась вспомнить, что он ответил. Ответа не было. Была кровля. Хорошая. Крепкая. А под ней — пустота.

Вот это работа. Столько слов — и ни одного по делу. В суде за такое умение платят золотом.

Красный со сбитыми костяшками поморгал и сел, вполне довольный. Он, кажется, так и не заметил, что с ним произошло. Айра — заметила и запомнила: и вопрос, и то, как гладко его не стало.

Оставалось только понять, что это за Реестр, что за Второй передел и почему все будто уже знают об этом, кроме неё самой.

* * *

За обедом Тай нашла её сама — плюхнулась рядом, брякнув о стол чем-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось её собственным локтем. Рукав у неё был подпалён по краю, скула отливала свежим синяком, а глаза сияли так, что от них можно было зажигать свечи.

— Плац! — объявила она вместо приветствия. — Сразу после истории нас погнали на плац. Настоящий! Три часа, двоих унесли, одного увели, я жива. Мастер Брек сказал, что я стою двоих.

— Поздравляю.

— Потом добавил: по шуму — четверых. — Тай задумалась. — Я решила считать это похвалой. Если складывать, выходит шестеро, а шестеро — это уже отряд.

Арифметика была её собственная, тёплая, и оспаривать её Айра не стала. Ела и слушала: про плац, про то, как строй держит удар, про то, что у мастера Брека голос, от которого «внутри всё встаёт по росту», и что синяк — это учебная отметка, почти как в журнале, только честнее.

— А про что вообще была история? — спохватилась Тай, уже сгружая посуду. — Я пыталась слушать, честно. Но этот дед на третьем слове меня срубил. Очнулась — уже про какой-то передел.

— Я узнала, что всё устроено так, как устроено.

— Ужас, — искренне посочувствовала Тай. — Ладно, мне пора: после обеда нас будут учить падать. Я умею! Я, может, лучше всех умею. Но у них тут, говорят, падают по науке.

И утекла — падать по науке.

* * *

В подвале Тени всё было по-прежнему: низкий потолок, круглый стол, семь стульев и лампа, при которой тени вели себя вольнее, чем положено. Декан уже сидела за столом. К этому начали привыкать — насколько вообще можно привыкнуть к человеку, которого никогда не видишь входящим.

Про вчерашнее задание она не сказала ни слова. Ни «кто понял», ни «откуда я знаю», ни даже взгляда, который бы это спрашивал. Задание просто осталось лежать где-то там, невыполненное или выполненное — не разберёшь.

Проверки не будет, — сообразила Айра, усаживаясь. — *Проверка и не прекращалась*.

— Сегодня — наблюдение, — сказала декан. Всем сразу. — Опишите человека, который выдавал вам сегодня обед.

Тишина вышла особого рода: пятеро одновременно поняли, что не могут вспомнить лицо, которое видели два часа назад с расстояния вытянутой руки. Шестая помнила оба — и молчала по соображениям, которых тут лучше было не объяснять.

— Мужчина, — рискнул наконец Юст. — Ну... в фартуке. Немолодой?

— Женщина, — тихо, но твёрдо возразила девушка с косой. — Женщина в сером платке.

Юст посмотрел на неё, как на больную:

— Какой платок? Мужик там стоял. С половником.

— Женщина. Я ей миску подавала.

— Мужик!

Спор разгорелся неожиданно живой — первый громкий звук, который эта комната слышала от шестёрки. Правы, как быстро сообразила Айра, были оба: на похлёбке стоял мужчина, на хлебе — женщина, и каждый из спорящих запомнил своего, в упор не заметив второго человека, у которого точно так же брал еду из рук.

Декан не вмешивалась. Грызния её, похоже, вполне устраивала — удобнее ответа не придумаешь.

Близнецы дождались паузы и ответили — поделив, как делили всё: одному первый котёл, другой второй.

— Двое. Мужчина на первом котле: около пятидесяти, седой, ожог на левом запястье, старый.

— Женщина на втором: моложе, платок серый, серьги сняты недавно — мочки со следами. Оба устали. Мужчина — больше.

В комнате стало тихо и немного неуютно, как всегда, когда кто-то делает твою работу лучше тебя. Дом, где рассказывают, подумала Айра. И, судя по всему, показывают.

— Кольцо, — выпалил вдруг Тевр. Все обернулись. Он порозовел, но договорил: — У мужчины обручальное кольцо великовато. Он его крутит большим пальцем, когда очередь встаёт. Похудел, а кольцо старое. Перековывать жалко.

Вот тебе и вывеска булочной. Айра посмотрела на соседа с уважением: ничего хитрого он в это не вкладывал — просто у сына лавочника глаз намётан на то, где убыло. Такой глаз не куётся, такой — растёт.

Очередь дошла до неё.

Она знала обоих. Знала, что у мужчины ключи на поясе слева, хотя он правша, — стало быть, связка с чужого ремня. Что фартук ему выдали недавно, а у котла он стоит давно. Что женщина в платке привыкла к серьгам потяжелее тех, что сняла, и что деньги на раздаче не ходят, но ящик с записями стоит под правой рукой мужчины, и замочек на нём — смешной. Она знала про этих двоих столько, что хватило бы на приличное ограбление или на неприличный шантаж. Кстати, стоит записать что-нибудь из этого в планы на будущее.

— Женщина. Немолодая. Уставшая. Половник держит в левой.

Четыре факта. Один — с ноготок, для честности: совсем пустой ответ выглядел бы хуже среднего. Средний ответ — самый незаметный, это она знала твёрдо. Серые отвечают серо.

Декан смотрела на неё дольше, чем на остальных. На знакомые полсекунды. Потом взгляд ушёл дальше, и Айра отпустила задержанный воздух — по глотку, чтоб не слышно.

— Пятеро из шести не вспомнили человека, который два часа назад вложил им в руки миску, — сказала декан. Без упрёка — как читают показания весов. — Это нормально. Так устроен всякий: вы смотрели на еду, а человек за котлом — мебель, пока не понадобится. Наш факультет — про то, чтобы мебели для вас не осталось. Ни одной.

Она помолчала — столько, чтоб стало слышно, как потрескивает лампа.

— Закройте глаза. Все.

Шестёрка закрыла. Айра — чуть позже прочих: закрывать глаза там, где сидят пятеро чужих и женщина с текучим лицом, три года учили не делать вовсе.

— Сосед справа, — донеслось из темноты под веками. — Во что одет, что в руках, куда смотрел, когда садился.

Справа сидел Тевр. Айра и вслепую перечислила бы пуговицы на его куртке, надорванный шнурок на левом башмаке и то, как он весь урок косился на дверь без ручки — прикидывал, поддастся ли она ему так же покорно, как декану. Перечислять, разумеется, не стала.

— Куртка тёмная. В руках ничего. — Средний ответ. Мерка та же.

— Открыли.

Открыли. У кого-то на лице было написано, что сосед за один такт темноты сделался совершенным незнакомцем.

Дальше декан гоняла их по приёмам — скучным, казённым, с названиями. Как удержать в голове лицо, не разглядывая его в упор. Как сосчитать людей в комнате, не поворачивая головы. Как за один проход снять с помещения всё — выходы, кто где сидит, что где лежит — и унести с собой, будто кошелек из чужого кармана. Айра слушала с двойным чувством: повиную этого она умела и так, только называла иначе или не называла никак. Академия просто вешала казённые бирки на то, за что в прежней её жизни отрубали руку. Оставалось надеяться, что тем же острым глазом здесь не выучены смотреть и на неё.

— Смотреть можно на что угодно, — сказала декан. — Видеть нужно всё. Вся разница между этими двумя словами — и есть ваш факультет. Кто не усвоит её к зиме — тому здесь не место. А куда деваются те, кому здесь не место, вам, полагаю, уже рассказали.

Рассказали. Про стены и третий кирпич от угла. Никто не засмеялся — с этой женщиной нельзя было поручиться, что она шутит.

— Завтра, — декан поднялась, — оба раздатчика. Полностью. И имейте в виду: они меняются через день.

То есть завтра на раздаче встанут двое, которых мы в глаза не видели, — и на всё про всё будет один обед. Милая женщина.

Дверь открылась перед ней загодя — двери здесь выучивались быстрее людей. У порога декан приостановилась — не оборачиваясь:

— Вчерашнее задание никто не отменял.

И вышла. Шестёрка осталась сидеть, пересчитывая в головах всё, что успела сказать друг другу за эти полчаса — и при ком.

* * *

Вечером Айра лежала на своей кровати, смотрела в потолок и раскладывала день по полкам, как раскладывала когда-то дневную добычу.

Легло быстро. Прощение — первым в очереди из одного. Наука, по которой её Знак невозможен: где-то врут — либо наука, либо Знак, — и с этим враньём ей теперь жить. Тень, где серость не прячет, а метит мишень, — и завтра опять решать, на сколько фактов она уставшая женщина с половником.

И была ещё четвёртая полка, на которую она весь день старалась не смотреть, а теперь вот смотрела.

Пункт сорок третий. «Время и место отбытия определяет канцелярия».

Канцелярия. Не ректор.

Ректор сказал «семь утра» — вслух, в тёмной арке, без свидетелей. А устав, его собственный устав, который он ей сам и подложил, говорил: время определяет канцелярия. Сухой человек в нарукавниках, который ставит номера в порядке поступления и выдаёт слова по слогам.

Айра села на кровати.

Прощение о переносе часа. По форме четырнадцать — или какая у них там форма для такого. Основание — вон оно, отчёркнуто мелким шрифтом, его же рукой вложено ей за пазуху. Он дал ей это оружие сам, с вежливым поклоном, уверенный, что она умеет только читать по складам.

А вот посмотрим, господин ректор, чей устав.

Наглость? Наглость. Но наглость по всей форме, с росписью и входящим номером. За такую не быют — на такую отвечают. Письменно. А быют уже потом, если догонят.

Она легла обратно и долго лежала, глядя в тёмный потолок, слушая, как тепло держится в казённом камне.

Впервые за три дня ей всерьёз хотелось, чтобы поскорее наступило семь утра.

* * *

— Явка. — В графу легло «6:57». Он развернул журнал, она расписалась — роспись уже не вспоминалась, писалась.

Потом он нагнулся, достал из-под конторки свёрток в серой обёртке, перевязанный шнуром, и положил перед ней.

— По вашему прошению. Устав Архонтии, полный текст. Во временное пользование. Из помещения не выносить.

Айра развязала шнур. Устав оказался книгой — настоящей, в тканевом переплёте, с тиснёным Знаком на обложке, тяжёлой, как хороший замок. Она пролистнула её большим пальцем: тридцать семь страниц. А весила книга на все триста семьдесят.

— Из помещения не выносить, — повторила она. — А помещение у меня, стало быть, есть только одно. И час в день, по песку.

— В распоряжении, — согласился канцелярист, и не понять было, издевается он или сочувствует. Скорее всего, ни то и ни другое: констатировал.

Она села на свой табурет, положила устав на колени и открыла первую страницу. Наказание господина ректора отныне выглядело так: час в день, в тепле, за чтением самой полезной книги академии. Если очень постараться, можно было даже не улыбаться.

Но сначала — дело.

— Мне нужен ещё один бланк, — Айра подняла голову от устава. — Форма четырнадцать. Или какая полагается, если прощение не о бумагах, а о времени.

Канцелярист поднял голову. Посмотрел на неё в третий раз за три дня — теперь долго, с целый удар сердца. Что-то происходило за этим сухим лицом. Так смотрят, когда давно решённое вдруг сходится по-новому.

— Форма девятая, — решил он наконец. И выложил бланк. — Прощение об изменении назначенного.

Писала она уже почти без ошибок — набивалась рука. «Прошу перенести время отбытия дисциплинарного резерва...» Основание она вывела отдельной строкой, с удовольствием, почти каллиграфически: «Пункт 43 Устава Архонтии».

Штемпель пристукнул. Входящий номер лёг в угол — второй по счёту в её маленькой войне.

— Рассмотрение — три дня. — Канцелярист помолчал и добавил, в первый раз за всё знакомство сказав что-то сверх необходимого: — Прошения по резерву проходят через ректора.

— Я знаю, — кивнула Айра.

Она вернулась на табурет, открыла устав на первой странице и повела пальцем по строке. *Интересно, каким почерком господин ректор пишет «отказать».*

Глава 7. Семь вечера

— Раздатчики, — сказала декан, едва дверь без ручки затворилась за последним из шестерых. — Оба. Полностью.

И, не дожидаясь, пока все рассядутся:

— Адептка Сол. Начинайте.

Вот так. Без «вспомним вчерашнее», без разгона по кругу. Вчера Айра отвечала в конце. Удобнейшее место: пока очередь доползёт, успеваешь снять мерку с чужих ответов и скроить свой точно посередине. Сегодня мерить было не по кому.

Раздатчики нынче стояли новые — те самые «меняются через день», о которых декан предупредила вслух и заранее. Это было не примечание. Это было условие задачи: двое незнакомых людей, один обед, второго не дадут. Айра условие расслышала ещё вчера и обед отработала, как смену на рынке. Судя по лицам кое-кого за столом, расслышали не все.

Она положила руки на колени и быстро, по-рабочему, пересчитала расклад. Четыре факта второй раз не продашь: «полностью» было сказано вслух, при всех, и повешено на неё лично. Пустой ответ после такого — уже не серость. Уже вызов. Ну или абсолютная неподготовленность. Значит, отдать всё, что взял бы любой глазастый человек, которому не лень смотреть. А придержать только то, что видит не глаз. То, что она отмечала нутром.

— Их снова двое, — начала она. — Старуха на похлёбке, парень на пшёнке. Старухе за шестьдесят. Сухая, а спина прямая, как доска, — не от здоровья, от выучки. Седина крашена луковой шелухой, давно: у висков сошло. Половник в правой, но локоть бережёт — плечо в полный мах не работает. Передник свой, не казённый: латан у пояса, нитка свежее ткани. На шее шнурок, ушёл под ворот. На людей она не смотрит — смотрит на миски. Парень лет двадцати. Уши варёные: пар ему внове. Черпак держит от локтя, как лопату. Дважды обжёгся об одну и ту же кромку котла. Фартук завязан наперёд, узлом — таким мешки вяжут, не тесёмки. Сапоги тяжёлые, с набойками: двору годятся, кухне нет. И он один на всей раздаче разглядывал очередь — всех подряд, как в первый раз. Потому что для него это и был первый раз.

Она говорила и слушала себя со стороны. Выходило много. Выходило подозрительно много для девицы из среднего дома, у которой не было причин читать чужие руки. Но слово было выбрано за неё.

— Что у старухи на шнурке? — спросила декан.

Вот оно. Шнурок Айра назвала — а про то, что на нём, смолчала: этого не видел глаз.

— Не видно. Ворот глухой.

— Тогда почему вы его назвали?

— Потому что она его не трогает. — Пауза уже ничего не спасала. — Своё, что на теле, человек поправляет. Раз в час, не замечая. Она — ни разу за всю раздачу. Так не носят пустяки. Так стерегут.

Про то, что снять такой шнурок — дело двух пальцев, если знать, как ляжет ворот, она уточнять не стала. Должно же у неё хоть что-то оставаться при себе.

Декан смотрела на неё целую секунду. По здешним меркам — длинная речь.

— Адептка Сол отвечала первой, — она повернулась к остальным. — У всех прочих теперь есть лёгкая дорога: опереться на сказанное и делать вид, что вы запомнили то же самое. Дорога хорошая. Накатанная. Учтите одно: если она ошиблась — вслед за ней ошибётся вся комната. Хором.

Вот, значит, зачем первой. Не почёт и не наказание — меченая монета: бросили в толпу и смотрят, в чьём кармане объявится. Спросить монету, согласна ли она, по обыкновению забыли.

— Адепт Ир. — Взгляд ушёл. — Старуха.

Близнец моргнул — один раз. У этой пары такое сходило за целое событие.

— В платке... Старая. Прямая.

Тишина. Лампа над столом тихо потрескивала — в этой комнате она вообще была самой разговорчивой.

— Всё?

— Всё, — признал близнец с достоинством тонущего.

— Адептка Ир. Парень.

Сестра держалась дольше: молодой, у котла впервые, черпак от локтя. На ожогах запнулась — «обжёгся один раз», — и по тому, как дрогнул уголок её рта, было ясно: ошибку она услышала сама, раньше всякой поправки.

— Дважды. Об одну кромку.

Айра смотрела на близнецов почти с сочувствием. Эти двое, надо думать, и сегодня поделили раздачу пополам, как делили всё и всегда: каждому — своя половина мира. Вчера этот приём принёс им лучший ответ комнаты. Сегодня выяснилось, что половины не сшиваются: каждый поодиночке — ползрения и полпамяти.

— У вас должно быть четыре глаза и четыре уха, — сказала декан. — Сегодня вы меня разочаровываете. Адепт Юст.

Юст явно готовился со вчерашнего вечера — по гладкости первых слов было слышно: зубрил, ночью, шёпотом. Беда была одна: зубрил он вчерашнюю пару. То ли от волнения, то ли от дурости он забыл последние слова декана — и теперь неспешно опускался на дно где-то рядом с близнецами.

— Молодой. Высокий. Фартук вот... наперёд завязан...

— Что он делал с фартуком? — спросила декан.

— Поправлял, — выдохнул Юст с облегчением: за знакомое слово он ухватился, как за проплывающую мимо доску.

— Ни разу не тронул. Ему было не до фартука — он боялся котла. — В голосе декана ничего не дрогнуло. — Вы не вспоминали, адепт. Вы дорисовывали. Дорисованное всегда гладкое. Настоящее — с заусенцами. И заметьте: приметку вам одолжила адептка Сол. Дорисовку вы сделали сами.

Юст открыл рот. Закрыл. Побагровел — с шеи вверх, как подтапливают печь. Доска оказалась не доской, а камнем, привязанным к ноге. Буль.

Девушка с косой прошла лучше: старуху дала подробно и свою — платок, спина, бережёный локоть. На парне села на мель.

— Молодой, — выгребла она наконец с самого дна. — В фартуке.

— В фартуке здесь все, кто у котла. Вы описали должность, адептка. Мне нужен человек.

И вот тут не выдержал Тевр. То есть его никто ещё не спрашивал — он сам подался вперёд, торопясь, будто боялся, что урок кончится раньше, чем до него дойдёт очередь:

— А парень-то не сменщик! Сменщик у котла не обжигается — он там не первый день стоял бы. Узел мешочный, сапоги дворовые... Этого со двора взяли, сегодня, дыру заткнуть. Стало быть, настоящий сменщик где-то лежит. Кухня своих за так не меняет — раздача же встанет.

Он выложил это и просиял. Айра мысленно взяла свои будущие ставки на Тевра и удвоила их. Не то чтобы она вообще делала какие-то будничные ставки, но сегодня определённо стоило начать.

— Складно. Может, даже верно. Хорошо, адепт Тевр.

Тевр сел очень прямо. Похвала в этой комнате, судя по всему, выдавалась раз в год и чаще всего не тебе, так что зарделся Тевр вполне заслуженно.

Декан поднялась беззвучно: стулья при ней вообще вели себя как школьники при инспекторе.

— Вчера, adeptка Сол, вы назвали четыре приметы, — сказала она, глядя куда-то поверх стола, словно сверяясь с записью, которой не было. — Сегодня — тридцать девять.

И всё. Ни вопроса, ни вывода. Она пошла к двери, и дверь отворилась ей навстречу заранее, услужливо, а шестёрка осталась сидеть в тишине, которая бывает после оглашения счёта.

Айра пересидела эту тишину, не мигнув и никуда не торопясь.

Тридцать девять. Она считала. Вчера считала и сегодня считала — без пера, без бумаги, вместе с ожогами и заусенцами.

Записывать не будете, сказали им в первый день. Ага. Кому тут нужна бумага.

* * *

Ужин в академии начинался с семи. Айра выучила это ещё в первый вечер — желудком, который к казённому расписанию приноровился быстрее совести. К семи она и пришла, взяла миску тушёной репы с солониной, села спиной к стене и ела медленно, раскладывая день по полкам.

Полки выходили кривоватые. Тридцать девять примет — раз. Женщина, которая видит и считает всех, — два. Где-то по канцелярским коридорам, от стола к столу, ползло её прошение с входящим номером — три. Тай на ужин не пришла: у Клинки, судя по грохоту со стороны плаца, вечер выдался рабочий, там доедали кого-то своего.

Соседи как соседи, — подумала Айра, дочищая миску. — Бывали и хуже.

Спать она легла рано, до колокола, и заснула, едва легла, — сытая, в тепле и на две росписи ближе к ответу господина ректора.

* * *

Утром, без двух минут семь, канцелярист поднял глаза на неё, а не на часы. Уже одно это было событием.

— Явка не требуется.

Айра остановилась на полушаге, как лошадь перед ямой.

— То есть как?

— По вашему прошению. Резолюция.

Он выложил на конторку лист — её собственный, форма девять, с заборными буквами и почти каллиграфическим «Пункт 43». Поперёк верхнего угла, наискось, шла чужая строка.

Почерк она оценила раньше, чем прочла слова. Узкий, прямой, скорый, без нажима и без единого украшения: буквы не выписаны — поставлены. Она бы, пожалуй, и не удивилась, окажись у писавшего печать под каждую букву. Почерк канцеляриста она мерил недель работы. Этот бы она не взялась подделывать вовсе: он был весь из привычки, а привычку не срисуешь.

«Удовлетворить. Время отбытия — с девятнадцати до двадцати. Место — приёмная ректора. И. Дейн».

Айра прочла. Перечла.

Первой пришла мысль тёплая и простая: утро — её. Семь часов, завтрак, законный час — всё, за что она воевала два дня по всем правилам бумажной войны, лежало теперь на этом листе, добытое, с печатью.

Второй, по пятам, не дав дожевать радость, пришла цифра. Девятнадцать. Ужин открывали с семи.

Ах ты хитрый, изворотливый, проклятуций...

Она стояла над листом и почти слышала, как двумя этажами выше сухо щёлкнуло часовое колесо. Он не отказал. Об отказ можно опереться, с отказом можно воевать. С «удовлетворить» воевать нечем. Она ведь просила перенести? Перенесли. Час она в бумаге не указала,

и некому было подсказать, что здешняя бумага исполняет написанное буква в букву. И ни волоском больше. Пункт сорок третий, кстати, никто и не нарушил: время отбытия определила канцелярия. Его почерком.

А я-то гадала, каким почерком он пишет «отказать». Никаким. У него, похоже, и слова такого в чернильнице нет. Зачем отказывать, когда можно вот так — удовлетворить.

Под резолюцией стояло: «И. Дейн». Она поглядела на подпись отдельно.

Хоть познакомились. Господин И. Дейн. Такое себе имечко.

— С какого дня? — спросила она вслух.

— С сегодняшнего.

— А журнал?

— Передан по месту отбытия.

Журнал-сирота, стало быть, поехал за ней следом, как приданое. Айра сложила лист по его сгибу, чужому и жёсткому, и забрала с собой.

— Приёмная — это где?

— Третий этаж. Правое крыло. — Канцелярист уже писал. Потом, не поднимая головы, добавил вторую фразу сверх необходимого за всё их знакомство: — Рассмотрение по форме девять — три дня.

— А прошло?

— Меньше суток.

Он не сказал к этому ничего, и она не спросила.

* * *

Завтрак в законный час выглядел так: яичница — горячая, с паром, на топлёном масле, а хлеб мягкий, утренний, и брали его с полной полки, а не выуживали чудом. Айра села со своей миской и первую минуту просто ела, никуда не торопясь, на общих правах, в полном утреннем гвалте.

Победа на вкус оказалась как тёплый хлеб с маслом. Ничего слаще она за три года не пробовала.

— ТЫ ТУТ! — Тай возникла над столом со своим подносом, и на подносе, кроме её собственной, стояла вторая миска, отвоёванная заранее, по уже отработанной науке. Она поглядела на яичницу перед Айрой, на полную полку хлеба, потом снова на Айру. Закон природы рушился у неё на глазах. — Почему ты тут? Ты же... у тебя же час!

— Час переехал. На вечер.

— Куда?!

— В приёмную ректора. С семи до восьми.

Тай села. Медленно — насколько она вообще умела делать что-нибудь медленно.

— Я узнавала про приёмную, — протянула она с уважением. — Когда собирала, что где. Туда просто так не ходят даже старшие. Туда вообще никто не ходит: кураторы, и те по вызову и по одному. — Вертикальные зрачки сузились, и в них проступил уже знакомый Айре охотничий азарт. — Ты понимаешь, что это?

— Наказание?

— Это лучший наблюдательный пункт в академии! — Тай наклонилась через стол, и Айру обдало сухим жаром. — Кто ходит к ректору, когда, с какими лицами, — всё через эту комнату! Я в тебя очень, очень удачно вложилась. Выгоднее меня не вкладывается никто.

— А сам ректор там, по-твоему, не сидит?

— Сидит, наверное. — Тай отмахнулась от ректора ложкой. — Но он же молчит всегда. Посидите, помолчите. Ты умеешь, я видела.

Посидите, помолчите. План надёжный, как часы в канцелярии.

— Кстати! — Тай ткнула ложкой в воздух, вспомнив. — Ты знаешь, что такое Первый порог?

— Нет.

— И я нет! — сообщила она с торжеством. — И никто. Я спросила шестерых старших. Мне рассказали, что первокурсников запирают на ночь в подвале, без света. Что выводят на озеро — на ЭТО озеро — и там что-то делают. А один, с третьего курса, сказал, что это просто письменная работа. — Тай помолчала и прибавила мрачно: — Ну это бред конечно. Кто будет мучить первокурсников письменной работой, когда есть тёмный подвал и проклятое озеро?

— Когда?

— На второй неделе. Всем первым курсом. — Она пожала плечами, и жар над ней качнулся. — Порог и порог. Через пороги я хожу с двух лет. Ни разу не упала... почти ни разу.

Айра доела яичницу и ничего не сказала. Испытание. Всем курсом. Слово «порог» ей не понравилось. Она уже прошла не одну проверку в Архонтии, и каждый раз что-то грозило пойти совершенно не так. Какая-нибудь ещё одна чаша, которая думает десять секунд. Ещё один страж, который смотрит дольше, чем на всех. А что если в этот раз её раскусят? Прощай, горячий завтрак?

Ладно. До второй недели ещё дожить надо. У меня вон — приёмная в семь.

* * *

День покатился знакомой колеей: с утра — история, где лектор Эйн тем же тёплым молоком разливал по залу какой-то давний договор, и даты в этом молоке растворялись без остатка. За историей шла наука новая — теория крови: сухой магистр из Архива раскладывал по столбикам, какая кровь на что способна и чем чужая опасна. Зал скучал. Айра слушала по-скупщицки, не упуская ни слова: три года она уходила от людей, не зная толком, чем они могут ударить, — а здесь это читали с кафедры, даром. После обеда — час в подвале: декан гоняла их по двору Корпуса, не выходя из-за стола. Сколько окон на восточной стене, какие светятся к вечеру, из каких просматривается насквозь весь двор. К концу часа Айра могла бы нарисовать этот двор углём на стене, с водостоками, — умей она рисовать. И будь у неё уголь. И не вертелось бы в голове голосом Отта «Рисовать запрещено».

Возвращаясь через двор, она в первый раз увидела, как работают старшие. В узких окнах практического крыла, на втором этаже, плели: тонкие нити — серебряная, две рыжих, одна зелёная — зажигались в тёмных проёмах, изгибались, сходились в узел и гасли. Издали это походило на ярмарочные огни, только тише и строже. Айра обнаружила, что стоит и смотрит, задрав голову, как деревенская. Красиво. Подозрительно красиво. По её опыту, красивое дешёвым не бывало — интересно, чем за такое платят.

С обеда она унесла ломоть хлеба, завернув в тряпицу: старую науку новые порядки только освежили. На улице живут не от миски до миски, а от заначки до заначки. Ужин у неё нынче переехал в приёмную, и Айра о-о-о-очень сомневалась, что И. Дейн даст ей миску похлёбки во время отбытия.

Дорогу она нашла без расспросов. Компас у неё теперь был свой, выверенный: чем ближе к ректору, тем ленивее свет. В правом крыле третьего этажа лампы линяли одна за другой, и по этому следу она шла уверенней, чем по любой табличке, а последний поворот угадала за десять шагов, по сумеркам в конце коридора.

Дверь была приоткрыта. Айра вошла.

Приёмная оказалась комнатой в два окна: стол у стены, при нём стул, вдоль другой стены — скамья, тёмная, длинная, на которой за триста лет отсидела своё, поди, вся академия. Часы с маятником — близнецы канцелярских, такие же мстительные. На подоконнике, свернувшись

потрёпанным клубком, спала пегая кошка. Эта, похоже, состояла при ректоре без всякого журнала — единственная в академии.

А у стола, вполоборота к двери, с бумагами в руке стоял ректор.

Лампы тут горели вполсилы, привычно, по-домашнему: здесь их, видно, никто и не помнил другими. И в этом честном полусвете Айра впервые рассмотрела его не как силуэт и не как пару белых глаз из темноты. Не старый. Моложе, чем полагается ректорам, — а виски седые, будто заняты у кого-то постарше и не возвращены. Лицо сухое, выверенное, без единого лишнего движения — как и всё остальное. Пахло в комнате грозой — негромко, обжито: не той свежей грозой, что в арке, перед самым ливнем, а как в доме, где топят каждый день. Гроза здесь просто жила.

И ещё — тонко, из-под грозы — палёной бумагой. Недавней. Кто-то тут жёг написанное, и не один лист.

— Адептка Сол, — сказал ректор, не отрываясь от бумаг.

— Господин ректор.

Он перевернул лист. У него были рабочие руки — по-своему рабочие: пальцы в чернилах, старая мозоль у пера. Начальство, по опыту Айры, рук не пачкало. Начальство подписывало. Этот, выходит, писал сам — и много.

— Вы рано.

— Наверстываю. — Она выдержала такт: его же школы. — За мной числятся шесть минут.

Он поднял глаза. Секунду смотрел — светло и без выражения. Добавлять к этому взгляду ему не требовалось отродясь.

— Числятся.

И пошёл к кабинету, на ходу, не оборачиваясь:

— Устав дочитали?

— Половину.

— Дочитайте. Вторая половина понадобится вам раньше первой.

Дверь кабинета затворилась за ним — не до конца. На ладонь. Надзор это был, приглашение или просто разошедшаяся дверь — понимай как знаешь. Айра решила не понимать никак. Так было дешевле.

На столе приёмной, у самого края, лежал знакомый журнал — приехал раньше неё и уже был раскрыт на её странице. При нём — перо и чернильница. Она вписала в графу «18:55», расписалась (ропись «Сол» вышла сама, не спросясь) и села на скамью.

Час пошёл.

В приёмной было слышно две вещи: маятник и перо. Перо работало за дверью быстро, почти без пауз — он не подбирал слов. Или подобрал их все давным-давно, заранее, на всю жизнь вперёд. Маятник мерил это дело вслух — канцелярский песок, только с голосом.

Айра сидела скучно и работала глазами: не из умысла даже — иначе смотреть она не умела.

Стол приёмной был пуст. Не прибран — пуст: ни листка, ни огрызка сургуча, ни забытого пера. Такой стол бывает у нищих — и у людей, которые понимают всё. Окно запиралось на простую вертушку, карниз под ним шёл широкий, каменный. Это она отметила без всякой задней мысли. Для души. Душе спокойнее, когда знаешь, где выход.

Кошка на подоконнике развернулась, поглядела на Айру одним глазом, жёлтым и нахальным, и завернулась обратно. Ей тут явно было тепло, привычно и плевать на всех. Айра успела позавидовать: пятый день в академии, а до кошкиного чина ей было ещё расти и расти.

Интересно, за что тут сидишь ты. Тоже, поди, что-то требующее особого наблюдения.

Хлеб в тряпице лежал за пазухой, тёплый от неё самой, и есть его Айра не стала — не при этой двери. Она сидела, слушала перо и училась новому делу: выглядеть мебелью. Получалось, по её собственному мнению, неплохо.

Где-то на середине часа перо за дверью остановилось. Коротко прошуршало — лист, ещё лист. Потом тонко, знакомо потянуло палёным: за дверью жгли написанное. Айра смотрела на тёмную щель и держала лицо пустым, на всякий случай, — мало ли кто тут умеет смотреть сквозь что.

Пишет сам, жжёт сам. Начальство, которое не доверяет даже собственной корзине для бумаг. Знаешь, господин ректор, у нас таких звали людьми с прошлым.

Перо заработало снова.

К концу часа она изучила приёмную до последнего гвоздя и знала её теперь, как знала когда-то рынок: наизусть и на слух. Стрелки на часах сползались к восьми. Айра выждала до без двух минут, поднялась и шагнула к журналу. Две минуты — законная погрешность любых часов, так считала вся улица, и ни один скупщик ещё не оспорил.

— Девятнадцать пятьдесят восемь, адептка Сол, — сказали из-за двери.

Голос был негромкий, не громче пера. Дверь не открылась. Перо не остановилось.

Айра посмотрела на щель. На часы. Снова на щель.

Села.

Кошка приоткрыла один глаз, оценила её и закрыла обратно, со всей возможной деликатностью.

Две минуты Айра досиживала, глядя, как маятник доедает их по капле. Улица, значит, считала одно, а Архонтия — другое, и на всю её громаду были одни-единственные часы, которые никогда не ввали. Стояли они не в приёмной. Когда стрелка дотянулась наконец до восьми, Айра встала, вписала в графу «20:00» — цифры вышли твёрдые, злые, — расписалась и пошла к двери.

Уже у порога, взявшись за ручку, она услышала из-за спины, сквозь ту же щель:

— Не опаздывайте.

Глава 8. Пустая кровь

Кровь в мире делилась на шесть родов. Так утверждала доска.

Теорию крови первокурсникам читал магистр Восс — сухой, серый, из Архива: мантия сидела на нём как влитая, будто он в ней и родился. На первой лекции он представился одним словом — «Восс» — и это, судя по всему, была самая длинная речь, какую он соглашался потратить на себя. Говорил он так, словно каждое слово у него вычитали из жалованья. И оттого, как ни странно, его слушали.

Сейчас он чертил на доске лестницу: шесть строк, одна под другой, и у каждой — своя полочка с пояснениями. Мел стучал бодрее, чем звучал сам Восс. Наверху, понятно, самые родовитые. Внизу теснились все остальные.

— Шесть родов крови, — сказал Восс, поставив последнюю черту. — Всё, что состоит в Реестре. Всё, с чем вам предстоит жить, работать и, у кого не сложится, сражаться. К концу месяца будете читать эту лестницу наизусть — сверху вниз и снизу вверх.

Он положил мел и посмотрел на зал так, будто пересчитал его оптом.

— Кровь — это инструмент. Инструмент положено знать наперечёт. Свой — чтобы им работать. Чужой — чтобы понимать, как работают другие и с чем вам придётся иметь дело.

Айра решила, что с магистром Воссом они сработаются.

А вот зал был того же мнения о предмете, что и об истории: треть спала, треть готовилась. Скрипели перья: Архив писал, Клинок рисовал на полях, Тень сидела с пустыми руками, потому что Тени записывать не полагалось. Тевр рядом страдал: пальцы у него нервно постукивали по столу, изнывая от невозможности записать услышанное.

Айра не страдала. Айра переписывала доску туда, где у неё не отнимут. Ещё вчера, на первой лекции, этот сухарь показался ей самым полезным человеком академии — сегодня он это подтверждал. Про любого встречного мага её улица знала два слова: может жахнуть. Чем, как далеко, сколько раз подряд — это выяснялось всегда поздно и чаще всего на бегу. А тут стоял человек у доски и раскладывал по полочкам весь чужой арсенал. Даром.

— Архонтиды. — Мел вернулся в руку и стукнул по верхней строке. — Старшая кровь. Роды-основатели. Их природа — подчинение и подавление. Архонтид не разрушает чары. Он делает так, что чарам не с чего начаться. Забирает у вас саму суть магии.

— А правда, — спросили с красной стороны, — что архонтиду нельзя сопротивляться?

— Смотря кому, — Восс перешёл к следующей строке.

Красная сторона немного пошепталась, выясняя, кому именно и что магистр вообще имел в виду.

— Светлые эльфы: иллюзии, память, работа с восприятием. Лесные — живое. Морские — вода и ветер. — Мел спускался по ступеням, не задерживаясь. — Демонида и их полукровки — жар.

На «жаре» с красной стороны зала кто-то гордо кашлянул. Кашель Айра узнала бы из тысячи. Восс не поднял глаз от доски.

— Люди. — Он дописал нижнюю строку и отряхнул пальцы от мела. — Природа заимствованная: своего голоса нет, перенимают чужие. Медленно. Слабее оригинала. Зато — любые.

— А почему у нас нет своего? — спросили из середины зала. С обидой.

— Спросите у своей крови. Мне она не докладывает.

Полочка у людей вышла самой тесной. Айра поглядела на неё с сочувствием земляка. Ну ничего, убогенький, зато свой.

— Нить, — Восс вернулся к середине доски. — Основа всего, что вы будете здесь делать. Нить — это ваша собственная кровь, в её изначальной форме. Чистая энергия, способная

менять мир так, как вам будет угодно. Из нити вяжется узор. Узор — это и есть чары: свет, жар, полог — смотря что связали. Свою нить вы ещё не звали. Завтра позовёте — впервые.

Своя кровь. Вот с ней-то у меня и заминка.

— Вязать из неё узор — забота основ плетений, не моя. Моя забота — чтобы вы знали, что у вас в жилах. Чем наградили вас достопочтенные предки.

Он внимательно оглядел аудиторию.

— Теперь то, ради чего вы сюда шли. — Восс отступил от доски. — У всякой нити есть цвет. Цвет наследуется, но не повторяется: двух одинаковых нитей не бывает, как не бывает двух одинаковых почерков. По цвету знающий глаз прочтёт род, силу и характер. Иногда, — он не изменил тона, — больше, чем вам хотелось бы.

Зал наконец проснулся: узнать про себя по цвету хотелось всем.

— А поменять цвет можно? — спросил кто-то смелый.

— Можно, — подтвердил Восс. Зал оживился. — Примерно тем же способом, каким меняют собственную печень.

Зал решил не уточнять. Где-то сзади уже шёпотом спорили, что означает прозелень и правда ли, что у влюблённых нить дрожит.

Айра проснулась вместе со всеми, только в другую сторону. Получается, всякий маг расписывается на всяком своём деле — собственной кровью, несмываемо. Она мысленно посочувствовала ворам из магов: подписанный инструмент — короткая карьера. И решила, что вчерашние огни в окнах ей правильно понравились издали.

Под лестницей магистр вывел рамку и вписал в неё, с нажимом: «Крови, состоящие в Реестре». Точка после «Реестра» вышла у него жирная, основательная — точка человека, для которого за этой рамкой мир обрывался — окончательно и бесповоротно.

Ни приписок, ни «прочего». У скупщиков так не водилось: самое интересное всегда шло внизу, кривым почерком, после честных строк. Здесь низ листа был чист. Ей вспомнился красный со сбитыми костяшками, и то, как гладко тогда не стало его вопроса.

— Сила у крови разная, — Восс отошёл от доски. — У одного крепкая, у другого едва теплится, у третьего и вовсе пусто. Числом её не меряют — её видно. А слову о собственной силе не верят даже в деревне. — Он помолчал и прибавил без выражения: — Особенно в деревне.

По залу прошёл неловкий смешок. Восс переждал его, как пережидают сквозняк.

— Поэтому силу не спрашивают. На неё смотрят. — Восс отложил мел. — Завтра, на основах плетений, каждый выйдет и позовёт свою нить. Что придёт — цвет и крепость — то и увидят все, то и запишут. И останется это при вас, как правило, навсегда.

Он обвёл зал взглядом без всякого выражения.

— Явка общая. Кто не придёт — тот будет признан неспособным к плетению и с позором изгнан из академии. Считайте это доводом в пользу того, чтобы прийти.

Айра сидела спокойно, руки на коленях, лицо скучное — а про себя, быстро и по-рабочему, свела концы. Завтра каждый позовёт свою нить. Ей звать нечем: там, где у прочих что-то отзывалось, у неё — сколько себя помнила — было пусто. Над чашей эту пустоту прикрыл Знак, опоздав на десять долгих секунд. Прикроет ли он и завтра, Айра не знала. Знала одно: смотреть будут все.

Неделю прожили — и то хлеб. Завтра поглядим, сколько ещё.

* * *

У Тени в тот день мерили другое.

— Двор Корпуса, — сказала декан, не вставая из-за стола. — Восточная стена. Сколько человек прошло под ней за время моего вопроса?

Двор они знали уже наизусть, с водостоками, — теперь выяснялось, что наизусть бывает разной глубины. К концу часа у Айры гудела голова, по-рабочему, как гудела когда-то от долгого дня на рынке.

О завтрашнем декан сказала одно — у двери, уже спиной:

— Завтра вас будут мерить. Потом будут мерить ещё. Мерка Клинки — сила, мерка Архива — знание. Мерка Тени одна: что о вас запомнили. Лучший счёт — ноль.

И вышла в дверь. Ногами. К этому Айра тоже почти привыкла.

* * *

До пяти она успела в канцелярию.

Устав ей выдали без слов: канцелярист, не дожидаясь, заполнил форму четырнадцать сам — от руки, привычно, только подпись оставил ей.

— Читальный час — до пяти. — Он помолчал и добавил: — Вы единственная, кто приходит за уставом добровольно.

— Я и в резерв ходила исправно.

— Помню, — отозвался канцелярист, и по его тону нельзя было понять, одобрение это или приговор.

Вторая половина устава оказалась интереснее первой. Первая ведала жизнью: распорядок, форма, взыскания, пункт сорок третий — старый знакомец. Вторая ведала испытаниями, и читалась она, как читаются чужие правила игры, в которую тебя уже посадили играть.

«Об испытаниях первого года». Палец привычно пошёл по строкам.

Участие — обязательно. Уклонение приравнивается — она проверила слово дважды — «к отчислению по собственному прошению». Красиво. Не выгоняют — сам ушёл.

Дальше шло про сроки, про лекарскую комнату, про «недопущение необратимого» — и, наконец, тем же казённым почерком, одна строка, ради которой, похоже, и стоило читать всю книгу:

«Средства прохождения испытания избираются испытуемым свободно, ежели оные не запрещены настоящим Уставом».

Айра посидела над строкой.

Свободно. Ежели не запрещены.

Всю её уличную жизнь эти средства были запрещены везде, всеми уложениями сразу, — а тут, в самом сердце самого казённого дома на свете, ей письменно разрешали выкручиваться как умеет. Она перечитала ещё раз, запоминая дословно: такие строки надо носить при себе точно, до буквы, как носят долговую расписку.

«Дочитайте. Вторая половина понадобится вам раньше первой».

Он знал, что понадобится. Знал — что во второй. Выходит, знал и зачем.

И вряд ли он раздаёт мне такие подсказки по доброте душевной. Что за игры?

* * *

Вечером в приёмной всё было по-вчерашнему: маятник, скамья, пустой стол, тёплая тьма за окном. И пахло по-вчерашнему, только к знакомому запаху теперь примешивалась палёная бумага: за дверью кабинета опять что-то не пережило вечера.

Она вписалась в журнал: «18:57», роспись легла сама. Села на скамью и приготовилась выглядеть мебелью. Вчерашний опыт подсказывал, что у здешней мебели неплохие условия труда.

Из-за двери — не вопросом даже, отметкой в ведомости:

— Устав.

— Дочитала.

Перо за дверью не остановилось.

— До какого места?

— До конца. — Айра поглядела на дверную щель. — Включая опечатку на тридцать первой странице.

Перо остановилось.

Секунды две в кабинете было слышно только маятник. Потом перо заработало снова, и голос сказал тем же тоном, каким пересчитывают сдачу:

— Её вносят в реестр опечаток четырнадцатый год. Канцелярия отвечает, что исправление требует переиздания, а переиздание требует согласования с автором. А автор почил около века назад.

Четырнадцатый год. Он знает её по номеру страницы. И реестр опечаток у них есть. Ну конечно есть.

— Сочувствую канцелярии, — сказала Айра сдержанно.

Из-за двери не ответили. Но перо — на слух — писало теперь чуть быстрее обычного.

Час досидела в тишине, вышла в восемь — по здешним часам, не по уличным: эту науку она усвоила с первого раза. Уже в коридоре, по дороге вниз, поймала себя на том, что пересчитывает лампы. Лампы были в порядке: ленивее к кабинету, живее к лестнице. Компас работал.

* * *

Наутро под плетения отвели большой практический зал — Айра в таком ещё не бывала. Каменный ящик высотой в три человеческих роста, пустой: ни столов, ни утвари, только скамьи вдоль стен да кое-где на полу тёмные подпалины, вплавленные в самый камень. Пахло воском, мелом и палёным — старым палёным, въевшимся за годы: этот зал явно видал всякое.

Первый курс согнали сюда целиком, всеми тремя цветами, и построили вдоль стен по спискам — вперемешку, как легла канцелярская рука. Тай на списки наплевала: отыскала Айру в общей толчее и втиснулась слева — от неё, как всегда, тянуло сухим жаром. Дальше по строю красный спорил с красным о том, чей род древнее. А справа кто-то из серых вполголоса повторял... Айра прислушалась... порядок дыхания. Стоял он так, будто впереди была не очередь, а плаха.

— Тихо.

Сказано было негромко. Гвалт сел, как огонёк, на который дунули.

Вдоль строя шёл человек в тёмно-красном: невысокий, жилистый, немолодой, стриженный коротко и просто, с ведомостью под мышкой. Ни жезла, ни перстней, ни единой блестящей вещи на всём теле. Айра опознала его раньше, чем имя: так ходят десятники на стройке — те, кому не надо кричать, потому что стены сами знают, кто тут считает кирпичи.

— Мастер Брек, — представился он. — Основы плетений. Забудьте слово «магия» — на моих занятиях его нет. Есть работа. У работы есть начало, середина и конец. Кто не умеет начать — тому я помогу. Кто не умеет закончить... — он обвёл зал взглядом, — тех я тут навидался.

А это, стало быть, тот самый Брек, который «из чего вы все тут сделаны». Тай не соврала. Такой — насыплет. А потом догонит и ещё насыплет.

— Магию не колдуют и не выпрашивают, — продолжал Брек, двигаясь вдоль ряда. — Её плетут. Плетут из нити, а нить маг творит сам — из себя, из воздуха, из ничего. Вязать из неё узор ты не умеешь и до зимы не научишься, и это правильный порядок вещей. Сегодня — не узор. Сегодня — только нить. Каждый выйдет, протянет руку и позовёт свою. Придёт — хорошо. Не придёт — тоже ответ. Врать она не умеет: покажет всем ровно то, что в тебе есть, и ни капель больше. В этом смысле она честнее тебя самого.

Строй хмыкнул — осторожно, вполсили.

— И правило. Одно, зато моё. — Брек остановился посреди прохода. — Зовёшь до первой звёздочки в глазах. Дальше — нельзя. Нить идёт из крови и кровью же платится. Крови у первого курса не так уж и много, а зима длинная.

Нить — это кровь. Это Айра прибрала себе сразу и накрепко. *Вот, значит, почему тут так кормят.*

— По одному. Начали.

И пошло.

Первым вышел тот самый тощий серый, что повторял дыхание. Протянул руку, зажмурился — и над раскрытой ладонью, не сразу, проступила нить: тонкая, серебряная, чуть живая. Та самая, что третьего дня зажигалась в окнах старших, только тоньше втрое и робче вдесятеро. Подержалась, подрагивая, и опала. Брек, глянув, черкнул одно короткое слово.

— Достаточно. Дальше.

Вторая — девица с зелёными прожилками у висков, лесная по вчерашней таблице. Её нить вышла не серебряной, а зелёной, с прозеленью живого, и запахло вдруг хвоей — посреди камня и мела. По ряду завистливо вздохнули.

Третьим — парень с Кlinkа, человек: нить пошла короткая, блёклая, рваная, гасла и зажигалась через раз. Он выжал её всё-таки — а отходил уже белый, как мел, и на втором шаге его качнуло. Сосед поддержал под локоть. Никто вокруг не удивился. Всё это было оплачено их кровью.

Айра стояла в своём ряду, смотрела — и внутри у неё, помимо всякого страха, работал скупщик. Вчерашняя доска оживала на глазах: вот серебро, вот прозелень, вот заимствованный рыжий. Товар показывал себя сам. Она запоминала не цвета даже — повадку: у кого нить идёт послушно, у кого рвётся, кто зовёт с запасом, а кто выложил всё и стоит теперь пустой, довольный, продешевивший.

Половину этого зала можно брать голыми руками сразу после их собственного фокуса. Учтём.

Учтём — на всякий случай. Просто по привычке. Привычка ей ещё ни разу плохого не советовала.

А потом дошёл черёд до Тай.

Та вышла, размяла пальцы, оглянулась на зал — убедиться, что смотрят, — и подняла руку. Позвать нить она, кажется, толком и не успела: нить пришла сама, и пришла с огнём.

Над ладонью полыхнуло — рыжим с белым сердцем, в локоть высотой, — и жаром достало до третьего ряда: ближние отшатнулись дружно, как один человек, а какой-то серый прижал к груди свои записи — спасал. Сама Тай стояла в этом зареве очень довольная, и багровая кожа её в отсветах была совсем медной.

— Ру! — Пламя опало.

— Он сам! — Тай подняла обе ладони, честнейшая из честных. — Мастер Брек, он у меня всегда сам! Я его так, чуть-чуть...

— Знаю, — сказал Брек. Ведомость его не дрогнула. — Контроль — это то, чему ты должна будешь обучиться в первую очередь. Сила, которую не сдерживает разум, — не более чем стихия.

Тай отошла сияющая: выговор она, по всему, засчитала себе как награду. Место возле неё, заметила Айра, освободилось само собой ещё в зареве: соседи по строю нашли себе неотложные дела на шаг левее и на шаг правее. Тай этого словно не видела. Или видела так давно, что перестала считать.

Дальше пошло своим чередом: серебро, рыжие искры, у одного морского нить не занялась вовсе — выступила на ладони капелькой влаги и погасла, и Брек на это черкнул своё, не

удивившись. Тевра Айра прозевала бы, если б не следила: нить у него вышла скромная, тихая, вся в хозяина.

А потом на середину вышел высокий парень в красном.

Его Айра узнала не сразу — а узнав, вспомнила не лицо, а очередь: ворота, каменный страж и юноша, бледневший у черты добрую четверть часа, пока камень мучил его род стихами. Славный род Кессельроде. Отцы гремели при народе.

Кессельроде поднял руку — лениво, будто делал одолжение.

Нить не пришла.

Не пришла — и, похоже, не могла: рядом с ним ничему такому места не находилось. Другого объяснения у Айры не было. Воздух над его ладонью поплыл, как плывёт он в мороз над прорубью, сделалось будто темнее, чем только что, — а по стенам зала лампы, что горели с самого утра, разом пригнулись, потускнели, вытянулись пламенем в его сторону. Все. Как трава под ветром. К нему.

От дыхания парня шёл белёсый парок — в тёплом-то зале. Глаза у него на мгновение выцвели, сделались светлыми до водянистости, и Айре — шагов за двадцать от него — вдруг остро, до зуда, захотелось стоять где-нибудь ещё. Где угодно ещё. Она осталась стоять, где стояла, и только переложила вес с ноги на ногу — старая наука: если тянет бежать, сперва просто перенеси вес.

— Кессельроде, — сказал Брек. И написал не одно слово, а два. — Достаточно. Курс, посмотрели? Вот этому не учат. С этим рождаются. Всеми остальному, — он захлопнул ведомость на пальце, — учат. Дальше.

Лампы по стенам разгорались обратно не сразу, нехотя, как выпрямляется трава, по которой прошли. Кессельроде отошёл не оглядываясь. На него смотрел весь зал, и он, в отличие от Тай, это знал, считал правильным и носил, как носят герб.

Записываем. Верхняя строка вчерашней лестницы, живём: чарам не с чего начаться. Обходить за квартал. Хорошо, что за неделю мы с ним ни разу не...

— Сол.

Очередь пришла, как приходит зима: все знали, и всё равно вдруг.

Айра вышла на середину. Где-то за спиной дышал зал — сто пятьдесят человек, которым не было до неё никакого дела. До той самой минуты, пока с ней что-нибудь не случится.

Знак под воротом лежал тихо и не вставал.

Правильно. Сиди и молчи, тут я сама опозорюсь.

Она подняла руку — ладонью кверху, как поднимали до неё, — и позвала. Молча, изнутри, потянувшись к тому месту, откуда у всех прочих это шло.

Место было. Пустое. Ни нити, ни тепла, ни самой заваливающей искры — тихо, как в вывернутом кармане.

Над ладонью не проступило ничего.

Секунда. Две. Она уже стояла так однажды — над чашей, десять самых длинных секунд своей жизни, — и оттого сейчас держала лицо и руку недвижно: наука была плачена вперёд.

— Выше, — поправил Брек. Без раздражения. — И не тужься. Зови, а не тужься.

Она подняла выше и позвала ещё раз, всерьёз, всем, что нашлось. Нашлось немного.

Над ладонью по-прежнему было пусто.

Айра опустила руку и одну долгую секунду разглядывала собственную ладонь. Ладонь как ладонь. Рабочая. Ничего не жмёт, нигде не тянет — а звать нечем.

— Так.

Он поглядел на неё — коротко, по-десятички: не в глаза, а всю разом, как глядят на стену, прикидывая, выдержит ли полку. Потом раскрыл ведомость и стал писать — дольше, чем про других.

Зал молчал недолго.

— Тень-то берёт и таких, — бросил кто-то сзади, вполголоса, но с расчётом.

Смешок пробежал по ряду и умер, не докатившись до конца, потому что Брек поднял голову.

— Кровь — не заслуга, — сказал он в пространство, ни к кому. — Кровь — это сколько тебе насыпали при рождении, а насыпали без спросу. Заслуга — что ты с ней делаешь. Я вот сам слабой крови. — Он переждал общую заминку и ничего к этому не прибавил. — Кто желает высказаться про слабую кровь, подойди после занятия. Высказывание будет учебным.

Желающих не сыскалось. Тишина в зале сделалась почтительная и очень старательная.

— Сол, — Брек дописал своё и закрыл ведомость. — Кровь слабая. Канал спящий: нить не идёт. Бывает — у людей чаще прочих, к зиме иные просыпаются. Придёшь ещё раз, ближе к зиме. Дальше.

И всё. Ни жалости, ни любопытства — «дальше». Следующий уже выходил на середину.

Айра отошла к своему месту в строю той самой походкой, которую улица ставила ей годами: скучной. Внутри у неё, распахивая страх, устраивалось поудобнее что-то очень похожее на ликование, и она давила его, как давила когда-то неуместный смех на деле.

Кровь слабая. Канал спящий. Записано в ведомость, рукой преподавателя, при полутора сотнях свидетелей.

Три года она платила за то, чтобы сходить за пустое место, — платила бегом, голодом, чужими именами. Здесь ей это выписали казённой строкой и бесплатно. Не грамота — лучше грамоты. Теперь у её пустоты была печать.

Только не радуйся в голос. Радуются пусть вон — у кого столб до потолка.

Она стояла, скучала лицом и слушала, как за спиной, один за другим, курс выкладывает на общий погляд всё, что у кого есть. У кого-то были яркие нити, у кого-то не очень, а кто-то, как и сама Айра, не смог изобразить вообще ничего.

Под конец, когда последний опустил руку, Брек захлопнул ведомость и сказал залу — буднично, как объявляют расписание обозов:

— К зиме каждый из вас сплетёт ллеу. Сам, из собственной нити. — Он переждал вопро- сительную тишину и не стал её кормить: — Узнаете. Не радуйтесь заранее.

Ллеу.

Слово было незнакомое, короткое, на вкус — из старых монет. Айра отложила его в копилку: незнакомые здешние слова имели привычку становиться её заботой.

* * *

О жребии объявили после полудня, и делала это, разумеется, доска у столовой — самое людное место в академии, если не считать самой столовой.

«Первый порог. Испытание первого курса», — сообщал лист писарским почерком. Ниже шли правила — Айра прочла их дважды, второй раз пальцем. Завтра, с полудня до заката. Парами. У каждого — метка, на шнуре, носить на шее открыто. Задача — принести чужую. Поле испытания — вся академия, исключая ректорское крыло и закрытый фонд. Вред — «в пределах обратимого». Обратимость, уточнял лист мелко, определяет лекарская комната.

Определяет — уже после. Удобная у них там работа. А вторая неделя, как и обещали, начиналась прямо с порога.

Пары — по жребию. Жребий — сегодня, у кураторов, под роспись. Списки пар — вечером, здесь же. Обжалованию, сообщала знакомая печать, не подлежит.

— ПАРАМИ! — Тай возникла рядом, прочтя всё через её плечо и, судя по голосу, только лучшее. — Я же говорила! Не подвал! Живой человек! Мне бы кого-нибудь большого. Большие медленные. И падают дольше — я успею отойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.